

А Л Ь М А Н А Х
литературная
РЕСПУБЛИКА

№1, 2013



Московская городская организация Союза писателей России

Коллектив авторов
**Альманах «Литературная
Республика» №1/2013**
Серия «Литературная Республика», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493049

Альманах Литературная Республика № 1 2013: Московская городская организация Союза
писателей России; Москва; 2013
ISBN 978-5-7949-0366-9

Аннотация

В номере:

Поэзия

Ольга Агеева. Печаль войны

Григорий Блехман. Уходят те, кого любил

Проза

Анастасия Борискина. Один день

Сергей Добронравов. Лялин переулок

Публицистика

Валерий Балясников. Свое дело – как бизнес

Вадим Максимов. Последствия космического взлёта

и многое другое

Содержание

Владимир Георгиевич Бояринов, поэт, Председатель Правления МГО СПР,	7
Щенок	7
Лесоруб	8
Аленький цветок	9
Младенец русской славы	10
Сиреневый день	11
Страда	12
Точка	13
* * *	14
Бегемот	15
Pervigilium Veneris	16
Какие слова говорил	17
* * *	18
Дмитрий Силкан,	19
Старое кладбище	19
Пилигримы Вселенной	20
Фантом	22
Поэзия	24
Ольга Агеева, Москва	24
Печаль войны	24
В Окопе (Калининский фронт. Июль 42 г.)	24
Возвращение солдат	25
Рисуя пейзаж села...	25
Элегия о деревни	25
Колодец	25
* * *	26
Вдовы	26
В кармане поэта	27
Дорожная	27
Посвящено бабушкам в деревни	27
Простая исповедь Шагала по картине «Художник: на луну»	28
Художникам по фаянсу	28
Ночной коллаж	28
Горизонт России	29
Григорий Блехман, Москва	30
Уходят те, кого любил.	30
Круговорот	30
Валерий Бокарёв, Зеленоград	31
* * *	31
* * *	31
* * *	31
* * *	31
Поэт	32
* * *	33

Инна Векслер, Израиль	34
* * *	34
Андрей Виноградов, г. Железнодорожный	35
Шекспировской строфой	35
* * *	35
Наступление ночи	36
Виталий Григоров, Москва	37
Журавли	37
Икона	37
Рыбки	38
Памятник	38
Владислав Доброславский, Москва	40
Сударыне	40
* * *	40
* * *	41
Дремлет старый дед	41
* * *	41
Слушая Александра Блока	42
Голос Есенина	42
Раздумье	43
Волчьи ягоды	43
Станислав Дружинин, Иваново	44
Ностальгическая Русь	44
Ливень	44
* * *	45
Марина Завьялова, Москва	46
* * *	46
Спираль, или Почему мы ходим по кругу	46
Мольба	47
Сорок	48
О пропорциональности	49
Актриса	49
Инесса Ильина, Москва	51
* * *	51
Марина	51
Юродивый	52
Встреча вне времени	53
Елена Казакова, Москва	58
Доброта	58
Букет лилий	58
Блики свечи	59
Александр Крупнов, Московская область, Краснознаменск	60
Тишина	60
* * *	60
* * *	61
* * *	61
* * *	61
* * *	62
* * *	62
* * *	62

* * *	63
* * *	63
* * *	64
* * *	64
* * *	65
* * *	65
Александра Крючкова, Москва	66
Путь	66
Никто, как ты	66
Поцелуй меня	67
Что такое счастье?	67
Я каждый миг благословлю	68
Людмила Кудлова, Москва	70
* * *	70
* * *	70
* * *	70
* * *	70
* * *	71
* * *	71
* * *	71
* * *	72
* * *	72
* * *	72
* * *	73
* * *	73
* * *	73
* * *	73
* * *	74
* * *	74
Илья Лируж, Москва	75
И только слово убегает тленья	75
N1	75
N2	75
N3	76
N4	76
N5	77
N6	77
N7	77
N8	78
N9	78
N10	79
N11	79
N12	80
N13	80
N14	81
Ирина Маркова, Москва	82
Декабрьский вечер	82
Похолодало	82
* * *	83

Свиристели	83
Элла Меркулова, Москва	85
Памяти Б. Ахмадулиной	85
Перспектива	86
Дед и баба	87
Борис Михин, Москва	89
Горки	89
Ключок	89
Принцесса на горошине	90
Искусственн...	91
Перед иконой	92
Галина Мяздрикова, Москва	93
Чёрный или белый?	93
Романс	93
Евгения Мяздрикова, Москва	94
Синдром невидимки	94
* * *	94
* * *	94
Не желая зла	95
Татьяна Нето, Москва	96
Пианино	96
Музыка	96
Философия любви	97
Апрель-шутник	98
Александр Омелянюк, Москва	99
Красотка	99
Глаза – волна	100
Маргарита Петухова, Москва	102
Сыновья	102
Лунная дорожка	102
Я помню ...	102
Людмила Полежаева, Новосибирск	104
* * *	104
Безрассудная встреча	104
* * *	105
* * *	105
* * *	105
Марина Ромадина, Москва	107
Красота	107
Праздник жизни	108
Осень жизни	108
Алексей Самарин, Ростовская область, село Ольшанка	110
Дожди	110
* * *	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Альманах Литературная Республика № 1 2013

**Владимир Георгиевич Бояринов, поэт,
Председатель Правления МГО СПР,
Москва**

Щенок

Извелся бедный, изнемог,
Но заводным винтом
Кружит бессмысленно щенок
В погоне за хвостом.

Да что щенок! Ты сам с утра
Среди людской молвы,
Как кочет из-под топора,
Бежишь без головы.

Когда усталость свалит с ног —
С улыбкою в усах
Бог скажет: «Быть тебе, сынок,
Щенком при небесах».

Лесоруб

Пришел в бригаду дед
С оливковым загаром:
«Касатики, привет!
Возьмите кашеваром».

Когда заря взошла,
Открылось: мать честная! —
Там просека легла,
Где Русь была лесная.

– Да ты – большой мастак!
Да ты, дедок, в ударе!
Где наловчился так?
– В Сахаре, брат, в Сахаре...

– Не завирайся, дед.
Юродствовать негоже,
В Сахаре леса нет.
– И здесь не будет тоже.

Аленький цветок

Я срубил крестовый дом,
Говорят: «Грешно».
Дописал печальный том,
Говорят: «Смешно».

Ловок на руку и спор
Завидуший бес.
Запылал в саду костер
До небес.

О любви заветный том
Запылал в огне.
Запылал крестовый дом
Со цветком в окне.

Если завтра я умру —
Погорюй чуток.
Я на небо заберу
Аленький цветок.

Буду нежить, чтобы рос,
Буду поливать.
Всех, кто дорог мне до слез,
Буду вспоминать.

Младенец русской славы

На поле Куликовом,
За тридевять земель,
На поясе шелковом
Висела колыбель.

Висела золотая,
В колечки завитая,
Меж небом и землей,
Меж снегом и золой.

В четыре полотенца
Рыдала ночью мать:
— Храните сон младенца!
Трещоток не замать! —

— О чем она судачит? —
Задумалась родня...
— Когда мой сын заплачет,
Попомните меня!

Горчат дымы Полтавы,
Берлинский чад горчит,
Младенец русской славы
До времени молчит.

А вьюга все крепчает,
Плетет свою кудель.
Господь всю ночь качает
Златую колыбель...

Сиреневый день

Во времени не раннем и не позднем,
Когда звенит апрельский небосвод,
Идет отец, идет зеленым полднем,
Сиреневые саженцы несет.

Мы деревца под окнами посадим,
Притопчем землю, бережно польем
И рядом на завалинке присядем,
Задумаемся каждый о своем.

«Что, – прогудит, – славяне, загрустили? —
В словах привычных плещется задор. —
Там человека в космос запустили!» —
Кричит сосед и лезет на забор.

Его сынишка плачет от обиды:
Ликует вся весенняя земля,
Но даже с крыши не видать орбиты
Гагаринского в небе корабля.

Пусть все, как было, так и остается:
Кричит сосед, звенит апрельский день,
Мальчишка плачет, мой отец смеется,
Под солнцем приживается сирень!

Страда

Все мужики – в упругой силе,
И все досужи покосить.
Покрасовались, покосили,
Пора бы и перекусить.

Мы черный хлеб вкушаем с луком,
Мы лук обмакиваем в соль,
И в том, что царствуем над лугом,
Не сомневаемся нисколько.

Мы и сказать бы не сказали,
Мы и помыслить далеки:
Какими жуткими глазами
Глядятся в небо васильки.

Они и скошенные дышат
И голубым огнем горят,
Они и видят все, и слышат,
И ничего не говорят...

Точка

Рванный век вместился в годы,
Годы – в несколько минут.
Годы – гунны, годы – готы,
Скифы тоже тут как тут.

Тьмы сбиваются в мгновенья,
Звенья – в строфы стройных строк.
«Так диктует вдохновенье», —
Говорит провидец Блок.

В райском поле по листочку,
По цветочку буду рвать;
Буду в точку, в точку, в точку
Мысли точные вбивать.

Как темно и одиноко!
Как ничтожен каждый миг!
И чего мне ждать от Блока,
Если сам уже старик?

То не атомная бочка
За околицей гудит...
Как рванет однажды точка —
Так вселенную родит!

* * *

Узнают нас, браток, не по книгам,
Узнают по тяжелым веригам,
По соседству хохлацкому,
По наследству кержацкому,
А друзья наших книг не читают
И пророками нас не считают
За соседство хохлацкое,
Самоедство кержацкое.
А враги в нас недоброе чуют
И в подметных листочках бичуют
За акценты кержацкие,
Документы хохлацкие.
Ох, недоброе чуют по духу,
А кивают, браток, на сивуху,
На сивуху хохлацкую,
Медовуху кержацкую.
Я не стану вскрывать себе вены
И ногтями давить свои гены
Благородства хохлацкого,
Первородства кержацкого.
Чистым бисером, ниточкой ровной
Нанесу я на холст родословной
Спивомовку хохлацкую
На грунтовку кержацкую!

Бегемот

Книга Иова (40:10-19)

Вот бегемот, творенье, как и ты.
Траву жует, как прочие скоты.
Но в чреслах прорастает прочность древа.
Таится крепость в пуповине чрева,
Кедровый хвост нисходит со спины,
В причинном месте жилы сплетены,
Как из пластин стальных хрящи и зубы,
А кости – словно бронзовые трубы.
И никакая в мире Божья тварь
С ним не тягалась ни теперь, ни встарь.
И нет в руках Создателя оружия
Отважнее, чем он и неуклюжее.
Он почивать уходит в тростники,
Находит тень под ивой у реки;
Он целые потоки выпивает,
Когда в жару поглубже заплывает,
И даже Иордан, испытый всласть,
Не утолит разинутую пасть.
Сон соблазнит – и сладкая дремота
Заворожит сознание бегемота...
И в этот миг, когда недвижим взор,
Между ноздрей вонзается багор!

Pervigilium Veneris

Кто грозой воды испил,
Того желание не погубит.
Еще полюбит, кто любил;
Кто не любил, еще полюбит.

Весна идет! – и зацвели
Подснежники в оленьих взорах.
Весна идет! – и журавли
Играют свадьбы на озерах.

Олень победно вострубил,
Взойдет заря – журавль вострубит.
Еще полюбит, кто любил;
Кто не любил, еще полюбит.

Какие слова говорил

Я женщину боготворил
За то, что меня не любила.
Какие слова говорил! —
Она их под утро забыла.

Я встал и встряхнулся, как пес:
Да что за беда, в самом деле!
Куда меня ветер занес?
Куда мои очи глядели?

Спасибо, беду отвело;
Спасибо, что явлено чудо!
А ты забирай помело
И сваливай живо отсюда!

Не любишь? И я не люблю!
Ты ведьма? Я вчетверо злее! —
Я это гнездо подпалю —
Из подпола выползут змеи!

Уже улетаешь? Лети!
Дурак бы тому огорчился.

...А не разобьется в пути?
Эх, что-то я погорячился...

* * *

Вот они: лес и купава,
Где похоронена мать.
Глянул – и сердце упало!
Некому сердце поднять.

Долго ли будет пылиться?
Долго ли будет пылать?
Долго ли будет томиться:
Где похоронена мать?

Вот они: лес и купава,
Вот и сосновая рать.
Где мое сердце упало —
Там похоронена мать.

**Дмитрий Силкан,
поэт, член Правления МГО СПР,
Москва**

Старое кладбище

«...И увидел я новое Небо и Землю новую...»

Закатный свет лучом сонливым
сквозь строй деревьев пробивался,
и на траву покровом стылым
туман неспешно надвигался

И гомон птичий смолк в испуге:
ведь мрак собою все зачернит,
И никого во всей округе
не видно в этот час вечерний

Пуста дорога... Обезлюдел
реки пологий узкий берег...
И мы с тобой уже не будем
держаться за руки – не верим
мы в сумерках в дневные страсти
и негу утренней прохлады...
Здесь скоро тьмою ночь закрасит
рельеф кладбищенской ограды...

Гудит земля почивших прахом,
тревожный пульс стучит в аортах...
И ощущаем в жутком страхе:
вот наступает Время мертвых!

Пилигримы Вселенной

«...не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?»

Исполины стремительных ярких столетий
прошивают ткань времени ровным стежком...
«Что же было? Что будет?» – никто не заметит
что сейчас есть... И за деревянным божком,
что языческий мир уберег в поле ратном,
проступает иконно-вылизанный лик...
И Змей времени свился кольцом троекратным,
задушив злую поступь жрецов... Только крик
вырывался из горла Земли обнаженной,
что была обещана сталью свинца:
меч Крестовых походов, святынь обожженных,
– это путь без начала, тропа без конца...
И идут все по ней пилигримы с дарами...
Впереди – темнота, позади – адский жар...
И лишь мост на цепях над зияющей раной,
что на лоне Земли будто ангельский дар:
он с Небес привнесен и разорван кроваво —
боль и страх, как причастие сумрачных лет...
Кто взыскует – бредет, напоенный отравой
из стремлений вперед, ожиданий побед...
Горы сыплются камнями в бок океана...
Пилигримы срываются в пропасть со скал...
И зияет Познанием открытая рана,
будто облик Небес: свой ощерит оскал,
лишь приблизится к ней очарованный Странник,
что бредет по-над Бездной в исканьях пути...
Но Познания кристалл, временной многогранник,
озарится на миг – и уже не найти
этот отблеск во тьме долговзвучных столетий,
что как корни пронзили структуру миров...
Этот мрак не познает никто, не осветит,
но... слепые бредут, и над ними – покров
из мечты безнадежной, но грозно манящей:
будто зов-в-никуда, словно дверь в пустоту...
И дерзание духа в надрыве слепящем
Вифлеемской звездой пронзит на лету,
и умчится стремглав – той безумной кометой,
что разрушит пространства и времени стык
...Пилигрим не дойдет до желанного Света:
ведь его долгий путь – даже меньше, чем миг!
...И песчинки дорог, и крупинки идущих
наполняют пустыню таинственной мглы...
Бесконечности круг... Только давит гнетуще:

«...есть ли смысл и цель этой скорбной Игры?»

Фантом

«...доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься...»

Ненастный полдень...
Дождик мелкий
спадая с неба – душу мутит:
природа с нами снова шутит...
А в колесе уснула белка,
и плавают надменно рыбки
в аквариуме новомодном,
и воет пес в углу холодном...
И очертанья мира зыбки!..
Все растворилось в тихой дреме:
размякло сонное пространство
в движеньях призрачного танца,
в изгибах тягостной истомы...
Душа сочилась через тело,
перетекая в кислый морок
безликой тьмы...
И мыслей ворох
дорогу в сон искал несмело...
А дождь все шел, залил реальность
потоком капель запредельных,
что размывали миг отдельный
на ноты – вкрапленных в тональность
беззвучных сфер, где все едино,
где все бесплодно, безысходно...
Где только гулкий мрак холодный
объемлет тело, душу вынув...
Оцепененье... Время встало...
Все заполняет ступор, кома...
Размыты очертанья дома —
материя хранить устала
свои пустые очертанья
привычных стен, окон, подвалов —
и, разозлившись, разбросала
все атомы по мирозданию...
И нет меня – лишь слепок малый
с того, что называлось «духом» —
ни зрением, умом, ни слухом
не уловить мне в нем провалы,
что были созданы забвеньем,
небытия жестокой меркой...
Раздроблен дух – на сотни мелких
частичек, тлеющих мгновеньем...

И все вокруг – флер лицемерный?
«Душа» – лишь только блик туманный?
И зов Небес обетованных —
самообман лишь эфемерный?
И мир – иллюзии нагие?
А жизнь – пустой фрагмент без цели:
лишь круг вселенской карусели,
и... вылезай – теперь другие!
...Но миг все в фокусе собралось —
и снова я в привычном теле...
Но «я» ли это, в самом деле,
что от «меня» сейчас осталось?
Ах, да – мой пес, что воеет вечно,
и рыбки, что молчат и в смерти,
и белка – в праздной круговерти
бежит по колесу беспечно...
И все!.. А «дух»? Ну да куда там!
Пустой мираж, фантом унылый...
И ритм жизни суетливой
ведет лишь к боли и утратам
своей души...
Лишь дождь по крыше
стучит, дневную зыбь смывая...
Грядет ли Благодать иная?
«Внемли, мой Бог!!!
...Увы, не слышит...»

Поэзия

Ольга Агеева, Москва

Печаль войны

Сиротство босоное,
вкус супа с лебедой,
Повычеркнуто многое,
просолено бедой.
Деревня, безотцовщина
и грусть без баловства.
От слез-рыданий сморщена
певунья береста.
Негаданно, непрошено,
запаятав, поди,
Осколок, как горошина,
пригрелся на груди.
Один, мой одишечек,
отец седой в сених.
Война – ты жизнь как пошлину,
сбирала в деревнях.
Лишь грошечки оставила
младенческих надежд.
Но не смогла ни крошечки
закрыть их нежных вежд.
Мать – реченька пологая
у русских деревень,
Все детство босоное,
как сахар твой ремень.

В Окопе (Калининский фронт. Июль 42 г.)

Бывали подвиги, бывало и иное:
Не лихорадочная спешка – отступить,
Смертельная героика – без боя
Единожды поднявшись – умирать!
С иллюзией бессмертности мальчишек,
От случая шальных, жестоких пуль.
Встречали матери, не храбрость детских шишек —
Безнравственный, обстрелянный июль!

Возвращение солдат

Хлопки приветствия.
Несдержанный восторг.
Воротничок с отметинами ада,
Дай черствость не погодная, в залог
Награду победителю, награду:
Луч солнца поскорей забыть
Притворство тишины перед боями;
Увидеть в селах свадебную сныть,
Бег жеребцов, непуганых плетью.

Рисуя пейзаж села...

Я наслаждаюсь творческой возней
На тропах путешествий и полемик.
Не восторгаясь гордою мазней,
Что навязал мне строгий академик.
Я выношу село на горизонт —
Мистерию под радужной грозой.
Мычаще-лающий, ликующий бомонд,
И пастухом, как временным главою.

Элегия о деревни

Деревня, которой не видит никто
С помпезность простенькой сныти,
С пикантным гвоздем от дощечки сельпо.
Не врите, то уточните...
По кислости – спелость,
По горечи – лих,
И ягодный мор виноватых.
В нескошенных пролежнях ветреный чих
Пернатых, а может хвостатых.
Руины, которых не видит никто.
Зачем видеть изгородь боли?
Забытой печали и так нелегко —
Последнему старцу неволи.

Колодец

Студенец осиротевший,
Обошла тебя стезя.
В короб твой не почерневший
Слезы прячут небеса.
Сокровенные раздумья,
Драгоценную зарю,
В день весеннего безумья,
Ты подобен февралю.
Холод твой для посторонних,
Избалованных ночей,
Для певучих капель, сонных.
Демон изгнанных лучей.
Но однажды, в чары зноя
Мой осиновый венец,
Ты прогонишь хлад изгоя.
...И задышит студенец.

* * *

Едок, со взглядом партизана
В сквозной щели резных ворот,
С остывшей косточкой гурмана,
Скулящий, из простых пород —
Барбос и полный палисадник
Июньской жизни на цветах.
И в этом счастье — матюгальник.
В деревни бой на кулаках.
Неподалеку гуси бьются,
Еще подальше — мужики,
А бабы звонкие смеются:
«Кругом, задиры — петухи!»

Вдовы

Гроздя простыни с веревкой.
Снова «выполощен» дух
Чуть просоленной сноровкой,
Под напором рук старух.
Но не выхолощен вдовый
Горький опыт, что дворы
Зачернил без предисловий,
В дни объявленной войны.
Счастья б, залатать все дыры.
От любви они на льне!
Но у вдов белье — проныра,

С горя рвется в полынье,
В ледяном покрове речки.
А веревочный костыль
По-мужицки, у крылечка,
Как последний друг застыл!

В кармане поэта

Ветер – гость карманный,
Пятничный распутник,
Выбирая фанты
Не спусти, на нет
Нрав не бездыханный,
С ним поэт – лоскутник
Не комедиантом
Будоражит свет!
Промышляя в дырах,
Где труха событий,
С косточкой изюма
С пряничной среды,
Собери с транжиры
Дань для чаепитий,
А то жизнь угрюма
В лоскуте вражды.

Дорожная

Не выбирай дорог извозчик,
Истории везде найдут.
Их ждет хорей, а может очерк,
Причину вряд ли разберут ...
Иное дело – дух свободы!
А буквоедскую бурду
Лишь ставят в искушенье годы,
Чтоб сжечь вселенскую хандру!

Посвящено бабушкам в деревни

Мозаика голосов.
Попытки дыма в трубах,
Тон чваканья часов.
Плен грязи на уступах.
Половичек с петлей,

Немного щекотливый,
И коробочек с тлей,
Из старомодной ивы.
Освободи суму —
Холопка-память сердца.
Поплачу и пойму,
Где можно отогреться:
В покоех? Во дворце?
Излишки иль мякишки?
Обмен ваш на крыльце —
Чумазые детишки!

Простая исповедь Шагала по картине «Художник: на луну»

Одна лишь краска — свет луны,
Одни лишь музы «шатуны»,
И сон, рожденный в веху призм, —
Поборник ночи модернизм.
Простая исповедь и кредо.
Лицом к лицу на свет луны.
Так добродушно верить в небо
Так по-Шагальски верить в сны.

Художникам по фаянсу

Одаренные попытки
Маслянистой жижи:
По окружности улитки,
Вскользь, то вверх, то ниже.
С кистью краска вдохновенна,
В цветовых нюансах.
В ожидании богема —
Белизна фаянса росписи,
Как постоянства
Скромных предысторий,
Не без смысла,
Без лукавства
И без аллегорий!

Ночной коллаж

Спонтанность, обостренность чувств,
Демонстративность полнолуния,

Пик артистичности под блюз,
Ночь современников – шалунья!
Ночь современников – огни
Для рассудительной фемиды,
От луж, от грязевой стряпни,
И в тоже время просто – гиды.
Ночь современников «писак» —
Неповторимая глазуня;
Для балагуров и зевак —
Коллаж беспечного безумья
Перемещений, скоростей,
Под расточительством сирены;
Чуть пантомимы и страстей
Для парадокса мизансцены.

Горизонт России

Отзывчивость небесных трелей,
В березняке, над шапкой елей.
Добросердечие, вертянье
На километры расстоянья.
А может искренность России.
В набухшей горизонтной сини,
С весенней грязью и грозой,
Истерзанной мужской кирзою?
А тон осенней подмалевки,
С застывшим ястребом с полевкой,
С бесстыдством авторских просветов,
И вихрем ветра с пируэтом?
Прощание и реверансы
С листвою влюбленною в нюансы.
Морозы – визитеры вскоре
Над панорамной цепью хвои
Уложат мягкий и ранимый
Снег – горизонт, неповторимый.

Григорий Блехман, Москва

Уходят те, кого любил.

Наверное, ничто не вечно.
Но не становится конечной
Им остановкой слово «был».
Они по-прежнему со мной —
Их голосами дышит память.
И я для них теперь не занят
В их постоянный выходной.
За все, что им не досказал
И в суете их не дослушал, —
Как будто бы ищу я случай,
Чтоб кто-нибудь из них позвал.
И те, кого я так любил,
С течением времени все ближе.
Их все ясней с годами слышу,
Так и не тронув слово «был».

Круговорот

Начать все чистого листа...
Но повнимательней взглядеться —
В той чистоте – не пустота,
А память об ушедшем детстве,
Когда мечтаешь ты о том,
Чтобы скорее стать взрослым.
Становишься. Ну, а потом —
Чтоб быть как можно выше ростом.
И вот – упрешься в потолок.
Тот треснет – переходит в пол он.
И ты опять у чьих-то ног
Все тех же устремлений полон.

Валерий Бокарёв, Зеленоград

* * *

Лес редет, к нам просится осень,
Золотым подкупая листом.
В тихом зареве царственных сосен
Проплывает река под мостом.
И уносятся яркие листья,
Журавлей провожая на Юг.
Будто шуба, огромная лисья,
Укрывает былинки от вьюг.
Лес редет, становится тише;
Слышен шорох и листьев полет.
Листопадом заносятся крыши.
Это осень, как дождик идет.

* * *

Снег оставил серые пригорки.
Превратил себя в холодный ветер.
Много птиц и голоса их звонки,
Но цветов пока я не заметил.
Лишь цветет почти полгода ива,
Чьи цветы снега напоминают.
Потому морозящая сила
Те цветы не губит, а ласкает.

* * *

Мне небо говорит, что скоро будет лето.
Хотя снега еще земли не отдают.
Но с каждым днем все больше птиц и света.
И как сияет день! А птицы как поют!

* * *

Тянет Родина. Выйду из парка,
По асфальту и дальше тропой...
Этим летом до одури жарко,

Все окрестности высушил зной.
Тянет Родина. Вот бы напиться
Из Святого ключа у реки,
Где кубышки и иволга-птица,
И кричат по утрам кулики!
Тянет Родина! Сельской тропой
Мимо сосен, бездонных болот.
Любоваться родною рекою,
Где в затонах щуренок живет.
Тянет Родина! Там золотится,
Наливается колос у ржи,
И кричит позабытая птица
Средь зеленой, душистой межи.
Тянет Родина. Тихие зори,
Петухов переливистый крик.
Только там ощущение воли
И бессмертья, хотя бы на миг.
Тянет Родина. Там, возле липы,
В ожидании сгнила скамья;
Там у церкви разбитой, безликой
Захоронена наша родня.
Тянет Родина, Родина снится!
Просыпаюсь с душевной тоской.
Будто я – разоренная птица:
Все мечусь, потерявши покой.
Тянет Родина! В белом тумане
Одинокие снятся дома.
О, как много мы в жизни видали,
Только Родина тянет одна.

Поэт

Земля родная для Поэта —
Моя священная земля!
И пусть она дождем одета,
Источник золотого света
Земля в начале октября.
Покрыты мхом подножья сосен.
Грибы, среди них багровый клен.
Пришла в Михайловское Осень
Дождем на моховой ковер.
Лес расступился...неприметный,
Простой одноэтажный дом.
Но это – колыбель Поэта!
Все лучшее родилось в нем!
Как зачарованный вступаю...
Скрипит разохшийся паркет,

И я внезапно ощущаю:
Там, за столом, сидит Поэт!
А дальше, на диване старом,
Лежит большой ученый кот.
Народ проходит шумным валом,
А он и ухом не ведет!
Я знаю, позже, ночью лунной,
Кот к дубу древнему придет,
Взлетит на цепь, и праздник шумный
Седых героев соберет!

* * *

И падал снег. Все падал мокрый снег.
Он превращал асфальт в притоки рек.
И все летел, кружился и летел.
И к вечеру поселок побелел.

Инна Векслер, Израиль

* * *

Звезда во лбу щербатой синагоги,
Свой месяц надо лбом несет мечеть.
Крест – солнца знак издревле на востоке,
В нем стать сию нельзя не усмотреть.

За фреской стертой мы тебя искали
И, неразборчиво гудя, клялись тобой.
На пегой шкуре льва, наброшенной на скалы,
Ты возлежишь, в обливке световой.

Вернется стриж в гнездо меж ляжек древних башен,
Сквозь камни на слезах взойдет трава иссоп.
Нас сторожат, как прежде, наши Раши —
Сам Раши толковал нам про исход.

Из трех богов, всех трех, иерусалка,
Ты уверяешь – в сердце только он —
И в золотых наперстках крутишь прялку,
Прядя истории времен сон – колесон.

Едва касаясь склона, белый ослик
Ликующей толпе несет лущеный свет.
То в белом весь, на белом-белом облаке
Вступает в город долгожданный снег.

Андрей Виноградов, г. Железнодорожный

Шекспировской строфой

Любовь чиста: склонясь пред алтарем,
Я вижу в ней величие креста.
И храм, воздвигнутый в ночи огнем
Слиянья душ, – под благостью Христа.

Но плоть слаба – здесь дьявола напасть!
Лавина будто, сотрясая твердь,
Стремительно сошла, взрывая страсть.
В неистовом оскале бьется смерть.

Тлен прячется в расщелинах измен,
В изгибах темных путаных дорог,
Где стылый ветер ложных перемен
Заносит снегом истины порог.

Но верю я: коварству вопреки
Нас не лишит Господь своей руки.

* * *

Я ли водочкой поил,
Я ль соломинку лущил,
Мне ль подружка от избушки
Отдала свои ключи?

Вот и вьюга улеглась,
Вот и звездочка зажглась,
Вот и в уголку за печкой
Паутиночка сплелась.

Дай, лучинушку зажжем,
Дай-ка песенку споем —
И про горе, и про счастье
Мы словечки подберем.

Что, кручинушка-печаль,
Все зовешь куда-то вдаль?
Мне ль родимую сторонку
Покидать не будет жаль?

Мне ли Люба не красна,
Мне ли не мила сосна,
Что стоит над тем обрывом,
Где пугает крутизна?

Что ты рвешься, черный конь?
Что бушуешь, как огонь?
Что, цыганка, все гадаешь,
Долго глядя на ладонь?

Унесет меня конек.
«Где же, Люба, твой милок?»
Тлеет горестно в печурке
Расставанья уголек.

Наступление ночи

Травинок легкий дух колышет суховей.
Закат почти потух. Мерцание огней.
А там уже туман ложбинки заволок.
Колодезь-истукан... Задернутый полог
Белеет на окне. Роса легла в траву.
Примолкло в вышине... Последнюю главу
Открыла в книжке дочь. И вот уже темно.
На ветви пала ночь. Чуть светится пятно
От лунного луча. Полуночный состав
Пронзительно вскричал... С готовкою устав,
Склоняется жена над прибранным столом.
Повисла тишина... Уселись под окном
Старуха и старик. Сверчок над головой
Застрекотал и сник. Зашаркал домовой...
Все звуки улеглись – и опустился сон.
На небесах зажглись Плеяды, Орион...

Виталий Григоров, Москва

Журавли

Я видел журавлей меж сел и городов:
Они летели так, как будто не летели.
В наш интернетный век пустопорожних слов
Высоким голосом они меня распели.

Я помахал им вслед, я проводил их взглядом.
Услышу ли еще так явно – не во сне?
Иль нам придется всем травиться горьким ядом
Безмолвия вокруг при солнце и луне?

Услышу ли еще их плач о скорбной доле?
Спою ли с ними я дуэтом и на бис?
В их образе святом народной столько боли —
Неужто и для них есть время закулис?

Не верю, нет, не верю я в погибель журавлей!
Пока они летят, неглупые поэты
Пусть песнь о них поют, простятся им, ей-ей,
С первичной птицею вторичные куплеты!..

Икона

Я понял, есть вещи – иконы:
Дела, города, имена.
Пред ними молись и поклоны
Клади от души, старина!

Пусть вера слепая, мы знаем:
Икона рождается в мир —
Как плод и кровавое знамя,
Как быль и слепой богатырь...

Грешно осквернять, не пытайся!
Что в молодости «просто так»,
То в зрелости, кайся – не кайся...
Коль понял, то ты не дурак.

Рыбки

В тишине твоей квартиры
Сверху льет свои сапфиры
Электричество на нас
В этот тихий ночи час.

На софе лежим мы оба.
Не сойдем с нее до гроба.
И ничто нас не проймет —
Ни болезнь, ни пулемет.

Как в аквариуме рыбки,
Мы на миг всего лишь прятки.
А когда покормят нас —
Снова будет тихий час.

И совсем нам невдомек,
Что есть мир: больших тревог,
Океанов и морей,
Троп лесных и шум степей!..

Памятник

Я памятник себе...

Пушкин.

Я каждый день, беседуя со Словом,
Все воздвигаю памятник себе.
Когда умру – то и скажу «готово»,
Чехол сорву и покажу тебе.

Я воздвигаю из семьи, из сада,
Из тысяч книг, из четырех ветров,
Из города, из космоса и ада,
Из рая и весенних стебельков;

Я воздвигаю из копейки мятой,
Из рыбы, пива, из безумных снов,
Из утра сладкого, из чая с мятой,
Из бытовых и вечноживших слов;

Я воздвигаю, несмотря на грозы,
На злобу дня, на искорки надежд,
На суету сует, на скучность прозы,

На нищету и праздничность одежд;

Я воздвигаю, не лишенный зренья,
Что в мире – солнце, свет и красота,
Что счастлив я в свой каждый день рожденья,
Что бездна есть, но есть и высота;

Я воздвигаю – и не знаю точно,
Каков он выйдет, будет ли смешон
Или серьезен, слабо или прочно
Он виден будет с четырех сторон?..

Владислав Доброславский, Москва

Сударыне

Еще не остыло тепло ваших встреч,
Но стали объятья прохладны...
Видать, не спешили надежду сберечь, —
Бок о бок живут, ну и ладно!?.
Прошло на поверку не так много лет,
Всего-то лет десять – двенадцать...
А страсти былой не ищи! Ее нет,
И даже не стоит стараться!
Куда подевалось кипенье в крови?
Наверно в том возраст виновен?..
Назад не вернуться! Зови, не зови
Те дни, когда голос неровен,
Когда блеск задора светился в глазах,
В призывах волшебного взгляда...
Быть может, тот взгляд, что хотел, рассказал,
А радости нет и не надо!?.
Как короток век человеческих страстей?
Досадно, обидно и жалко!
По-прежнему ждут они добрых вестей,
Как милого сердцу подарка.

* * *

Не возносись!.. Ведь падать очень больно,
И гордецов не любят на Руси!
Тем, кто судьбой своею недовольны,
Даруй, Господь, прощенье и спаси!
Тот не достигнет ничего, что жаждал,
Кто малым не доволен никогда!..
Глоток воды не утоляет жажды,
Но к жизни возвращает иногда.
Парит орел высоко в поднебесьи,
Гордец спесиво занял кабинет...
К нему попасть как к водоему лесом
пробраться! Никакой дороги нет!
Велик Господь! Он каждому поможет,
Кто в помощи нуждается Его!..
А кто не верит, – пусть и не тревожит
напрасно! Не получит ничего!

* * *

Отдавать интересней, чем грабить!
Совершеннее нету идей?
Я мечтаю воспеть и прославить
Удивительно добрых людей!
Милосердие им не в новинку!
Грусть и жалость застыли в очах...
Где искусства у нас покровитель?
К сожаленью, пока не встречал!
Где попрятались вы, меценаты?
Богатеют все больше жлобы!
Мерседесы несут словно латы
Шеи толстые, узкие лбы.

Дремлет старый дед

Он дремлет вполглаза, а вовсе не спит,
Но снов вереница потом
Закружит, как Андерсен или как Свифт,
В мельканьи картин непростом.
Привык он спать сидя, а лежа — мечтать,
Как каждый из нас в детстве мог...
Во сне его гладит покойница мать,
И ангел хранит от тревог...
И кажется, стихла метель за окном,
И боль отпустила в ногах...
И вновь убаюкан целительным сном
Забудет старик о врагах.

* * *

Отчего же случилось так, граждане,
Необъятной недавно страны,
Что свободы, которых мы жаждали,
Стали вроде не очень нужны!?.
Обокрали нас быстро и весело,
К сожаленью, не только в рублях,
И звучат заграничные песенки
С содержанием фирменных блях.

Слушая Александра Блока

С загадочной магией звуков,
С таинственной силой стиха.
Читал он негромко и глухо
О сути любви и греха.
О том, что не все в наших силах,
И что испытанья нас ждут,
О призрачных женщинах милых,
Что, как не зови, не придут!
Казалось, и я был в том зале,
И так же внимал, как и все?..
«Откуда ты взялся?» – сказали,
А я прилетел по весне...
Но жизнь оборвала жестоко
Поэта чудесную песнь!..
И нет больше в Питере Блока,
Но есть небывалая весть
О том, что весной прилетает
К тем стенам мятущийся дух,
И тихо стихи он читает,
И голос по-прежнему глух.

Голос Есенина

Нравилось Есенина послушать
И народ тянулся как родной!..
Глуховатый, проникавший в душу,
С гулким хрипом рвался тембр грудной.
Он не соответствовал изящной
внешности Есенина никак!..
Ведь кричал Хлопуша настоящий,
скинувший на время свой армяк.
Монолог окончен, вытер слезы
Горький, встав со стула своего...
А Есенин грустный и серьезный
будто не заметил ничего.
Радостные зрители шумели
все, кому услышать довелось...
А в углу, на вешалке висели
скинутый пиджак, цилиндр и трость.

Раздумье

Компьютер упрощает жизнь!
Нажми лишь только кнопочки,
За мышку нежно поддержишь, и будет все тип-топ!?.
А для детей собою жизнь он заменяет попросту!..
Но жизнь совсем не так проста!
В ней не всегда все в лоб!
Ее проблемы должен ты решать самостоятельно,
Внимая опыту родных и голосам друзей...
Но иногда твои друзья к вопросам невнимательны, —
Тогда послушай верный зов родной души своей!
Он не обманет никогда! Уму придет на выручку!
Во все грядущие года да будет так всегда!
Компьютер помогает нам и облегчает выучку,
Но заменить друзей и ум не сможет никогда!

Волчьи ягоды

Нам не понять лесные волчьи вкусы!..
Что на десерт предпочитает зверь?
Висят они как кровавые бусы,
И мне сорвать их хочется поверь!
Но, говорят, что для людей опасны,
Как те, в чью честь и названы они?
И так же дики, так же неподвластны,
И так же смутно коротают дни!
Они растут на ветках одиноко
Ни для людей, ни для зверей и птиц!
Порой природа к ягодам жестока
К красивым каплям слез с лесных ресниц...
А может, волк, поранившийся в драке,
Их пожует и наберется сил,
И вновь его глаза горят во мраке,
Как бы осенний дождь не моросил!?
Неутомимо любопытство наше!
Найдя грибы мы скачем как мячи...
И, ягод куль набрав, как дети пляшем,
И долго снятся нам они в ночи!

Станислав Дружинин, Иваново

Ностальгическая Русь

Я – не пророк и не Мессия
И вам ответить не берусь,
Что лучше: новая Россия
Иль ностальгическая Русь?

Все глубже засыпает замать
Следы моих счастливых дней,
И остается только память,
Что бьется в темя все больней.

Где эта милая смуглянка,
Что избавляла от тоски?
Не раздастся плач тальянки
Под грустной ивой у реки.

Напрасно расцвели сирени:
Жизнь изменилась навсегда.
Давно заброшены деревни,
Народ прибился к городам.

А вдалеке, над куполами —
Та, что люблю и не стыжусь.
Прощально машет мне крылами
Моя Есенинская Русь!

Ливень

Окончен зной. Уж не алеет
Из марева закатный стан.
Илья пророк, людей жалея,
Стучит в незримый барабан.

Восторженно запели струны
Мелодию дождя вдали.
И вот уже тугие струи
Летят в иссохший рот земли.

Потоки ливня снова, снова
Несутся вниз, срываясь с круч.
Ревет небесная корова,

Опрастывая вымя туч.

А я прошу у Громобоя:
«Вместо знамений и чудес
Дай родине моей покоя,
Напиться молока небес».

* * *

Уезжаю! Закончилось время
Долгожданных и радостных встреч.
Юных чувств возрожденное семя
Буду в сердце усталом беречь.

Не остудят святую влюбленность
Ни разлука, ни холод дождей.
Лишь судьба календарь утомленно
Отрывает листы светлых дней.

Скрылось солнце в пылающих листьях.
Всем желаю безоблачных лет...
Желтой пижмы пушистые кисти
С нежной грустью махали мне вслед.

Марина Завьялова, Москва

* * *

Как мало в жизни нам дано!
Как быстро время пролетает!
Смешными кадрами мелькает
Судьбы цветастое кино.

Все, что казалось столь серьезным,
Значительным и роковым,
С годами превратилось в дым,
Вдруг растворилось в мире звездном.

Пропали детский страх и стыд,
Исчезла юности печаль.
Крылатость молодости – жаль —
Уйдет. И время сотворит

Свое всегдашнее кино
Об иллюзорности стремлений.
И даже если это гений —
Ему смириться суждено.

Зато нелепые ошибки,
Штрихи, да просто ерунда
Вдруг помогают нам тогда,
Когда нет сил... И вновь, с улыбкой

Встаем. Поднявшись, начинаем
Крутить свое веретено.
Как много в жизни нам дано!
Как мало в жизни понимаем!..

Спираль, или Почему мы ходим по кругу

Все повторяется у всех.
По кругу вечное движение:
Победы, радости, успех,
Потом невзгоды, пораженья.

Чуть только станет легче жить
И со здоровьем, и с деньгами,
Захочется творить, дружить —

Пиши – пропало... Снова с нами

Сыграет шутку грусть и боль,
Случится новое ненастье...
И в этой жизни чудо-соль:
Чтоб не расслабиться от счастья,

Не замереть, остановившись,
Не омертвет душой навек,
А вечно бившись, бившись, бившись,
Мог жить на свете человек!

Лишь только так, скользя по краю,
Сильней становится душа.
«Я в эти игры не играю!» —
Кричать бессмысленно. Дыша,

Едва родившись, с первым плачем
Уже вошли мы на алтарь.
Не пытка это, а удача —
Судьбы прекрасная спираль.

Мольба

Люди – живые, прекрасные,
Вечно о чем-то волнуются!
В мыслях святые и страстные,
В жизни порою беснуются,

Делят, что сами и создали —
Мелкое, глупое, тленное...
Стали смешными и грозными...
Жизни снежинка мгновенная

Тает до слез предсказуемо.
Дети останутся, Господи!
Все и для них неминуемо.
Смилуйтесь, звездные россыпи!

Шепотом, криком – о, Господи!
Дай нам, за что зацепиться.
Яркие звездные россыпи
Чтоб не смогли позабыться,

Чтоб не смогли ни стереться,
Ни потускнеть от бескрылости...
Дай нам в любви отогреться,

Дай просто Божией милости...

Люди – живые, прекрасные,
Вечно о чем-то волнуются!
В мыслях святые и страстные,
В жизни порою беснуются,

Делят, что сами и создали, —
Мелкое, глупое, тленное...
Стали смешными и грозными...
Жизни снежинка мгновенная

Тает до слез предсказуемо.
Дети останутся, Господи!
Все и для них неминуемо.
Смилуйтесь, звездные россыпи!

Сорок (поколению сорокалетних)

В сорок лет так хочется свободы.
Новых встреч, полетов и дорог!
Оторвать от жизни счастья клочок,
Прокричать: какие наши годы!..

В сорок лет так хочется надежды
На добро, на разум, на весну.
Веры в то, что не пойдешь ко дну
И не сбросишь белые одежды.

В сорок лет так хочется здоровья,
Красоты, улыбок, новых сил.
Чтоб в груди моторчик не остыл,
Без таблеток чтоб у изголовья...

В сорок лет так хочется любви!
Вдруг она нечаянно зайдет?..
Одурманит, все перевернет
И запустит ураган в крови!

В сорок лет так хочется, чтоб жили
Долго мамы, папы и друзья.
Уходить от нас еще нельзя!
Мы ведь вас еще не долюбили...

В сорок лет так хочется, чтоб дети
Научились сами нас прощать.

Жить и ничего не обещать.
Просто жить счастливыми на свете.

В сорок лет так хочется, чтоб мир
Лучше стал, добрее, интересней.
Чтобы было много новых песен,
Новых звезд, открытий и... квартир!

Бесподобен солнца яркий свет.
Пусть здоровье, опыт, шутки, смех
Дарят оглушительный успех
В этот дивный возраст – сорок лет!

О пропорциональности

Удел поэтов – одиночество.
Судьба торговцев – обывательство.
Торгуют первые лишь творчеством.
Вторые – чутким издевательством.

Считать поэтом – оскорбительно.
Считать торговцем – в духе времени.
Читать стихи – всегда волнительно.
Монеты льнут к любому племени.

Как быть с культурой, все потеряно?
Ей смерть? Так в гугле лозунг высечен?
Торговцев в городе – немеряно.
Поэтов же – чуть больше тысячи.

Но выход есть. Ведь ночью белою,
Пока заря не разыграется,
Поэт на бирже ставки делает.
Торговец – над стихами мается...?

Актриса

Бог дал побыть в различных ипостасях:
Примерной дочери, девчонки озорной.
Тигрицей хитрой в бизнесе, женой.
Калейдоскоп ролей бодрит и красит.

Нрав делает сильнее, жизнь – богаче.
То мама я, заботами полна.
То вновь на сцене, и бокал вина

В конце спектакля веку обозначит.

С болезнью билась. Думала, умру
Тихонько... Не спасали и рубли.
Но люди, мир внезапно помогли
Подняться и опять вступить в игру.

Судьбу штормит: вопросы без ответа.
Работа, путешествия, полет...
Я в новой роли встречу новый год:
Корону дайте, веер и карету!

Инеcса Ильяина, Москва

* * *

Стихи – неблагодарная стезя!
Во все века меж «можно» и «нельзя»,
Но, если пишешь ты лишь то, что «можно»,
Кто вспомнит о тебе, спустя века?

Века, у воспаленного виска
Клинком, скользнувшим по челу на плахе,
Мучительна Судьба и высока —
По углям босиком, в срамной рубахе

Брести, без маяка в пути,
И не роптать на выбор свыше,
С достоинством свой крест нести
И верить, что тебя услышат.

Марина

И день настал – ее не стало.
И был мороз. И шли во след.
Ночь тяготила. Утро запоздало.
И на нее возложен был запрет.

Но губы тленные шептали так упорно:
«Отстанут многие, но многие дойдут»,
И призовут ее из летаргии сонной,
И руки сквозь столетия подадут.

И, словно разнесенная плотина,
Возникнет, всем цензурам вопреки,
Во веки незабвенное – **Марина**,
Душистыми цветами у реки.

И защечечут птицы утром ранним,
Когда восстанут светом в темноте,
И девочка с зелеными глазами,
И Бог ее, распятый на кресте.

Юродивый

Подайте на жизнь чуть-чутьочку.
Услышьте меня на минуточку.
Могу вам напеть веселую,
А можно и грустную песенку...

А это для вас – маленький вальс.
Танцуйте, танцуйте, пока играю,
Я про вас все знаю... знаю...
Что, боитесь? Куда же вы, остановитесь!

Дайте ручку погадать,
Ваши судьбы рассказать,
Не бойтесь, я сумею...
Душою болею... О, как же я смею,

У вас рука белая, тонкая, могу по-ло-мать...
Пой, песня звонкая! Расхочется спать.
Куда вы, постойте, со мною спойте!
Не можете...

Ой, какое небо белое,
Горе-горе переспелое,
Затянулся этот дождичек,
Эта глина, глина серая...

Подайте на пропитание,
Вот рука для подаяния...
Целый день брожу по улице,
Солнце тучею зажмурится...

Тссс! Шарманка играет.
Слушайте. Это песенка.
Ой, играй моя хорошая,
Забывай обиды прошлые...

Да вы совсем не слушаете?
Вам не нравится...
Надо мне поправиться,
Чтобы дописать ту картину...

У меня всего одна лучина,
На одну ночь, и кисти старые,
А краски кончились...
Мне только чуть-чуть денег...

О, это слишком много...
Что с вами? Вы плачете...
Не надо! Я виноват,
Сыграю веселую:

Как хорошо у нас в таверне,
Много веселых кабальеро,
Деньги звенят, как какстаньеты,
Гоп ля, гоп ля!

Простите... О, встаньте!!!
Зачем вы, на колени
Передо мной?! Я не стою...
Я всего лишь художник...

Шарманщик... Юродивый...

Встреча вне времени поэма

Мой отец, простой прозаик,
Не оставил мне в наслед
Ни стихов про глупых заек,
Ни рождественский сонет,

Так в кого же я поэт?
Все смеются мне в ответ.
Выручил меня сосед,
Что моложе парой лет.

«Я танцор, и весь секрет —
Был танцор мой третий дед!»
Танцевать люблю я тоже,
Но поэзия — дороже.

Поищу в архивах ветхих,
Где мои поэты предки?
Целый день в пыли трудилась,
Ночью — истина открылась...

В ночи ко мне явился странный гость.
Возник, как призрак, у меня в прихожей.
Повесил плащ, как водится, на гвоздь.
Дал мне понять — он не простой прохожий.

Его войти с почтеньем приглашаю.
Стул предлагая, мельком замечаю,

Что выглядит сей призрак старомодно.
Интересуюсь: что ему угодно?

Он на вопрос вопросом отвечает:
«Я вижу, Вы меня не ждали?
Я предок Ваш, прадед родного деда»,
И началась неспешная беседа.

«Мне одному из сонма домочадцев
Дано в Миру с потомками встречаться
И обращать столетия в мгновенья.
Воспользуйтесь, дитя, моим умением!

Искали Вы в архивах Ваших ветхих
Истоки поэтического предка,
Но слишком далеко Вы углубились.
Поэт – Ваш дед. Ведь Вы при нем родились».

Послушай, добрый старец, мне поведай
О жизни моего родного деда!
Ребенком помню все его черты:
Лицо, глаза, стол письменный, цветы,

Недавно срезаны, лежащие на нем,
Как в детстве, снится мне старинный дом!
И стены старые с причудливой резьбой,
И комнаты, одна светлей другой,

И сад огромный с спелым виноградом,
Но я не знаю главного!
«Постой, не виновата ты в неведение своем.
Разлука долгая стирает нашу память.

Хоть не пришлось ему при жизни передать
Ребенку свой талант – перо поэта,
Но дух его, как божья благодать,
Переселился в Вас с другой планеты.

Проведайте младенчества места,
В дом уцелевший, дедовский, зайдите,
В благие дни поэзии душа
Спускается в забытую обитель».

Мчался поезд, мчался скорый,
Через степи и поля,
Над деревней приозерной
Встала красная заря,

Поезд мчался стоголовый,

Стовагонный великан,
Повторяя: «скоро, скоро
Мы проедем перевал».

Спали люди, спали стены,
Тихо вздрагивал вагон,
Раздавался колокольный
Полу-стон и полу-звон,

Сонно звякали стаканы
На столе проводника,
Растекались туманы,
Путь дорога далека...

Едем сутки, двое, трое,
Спим, сидим, лежим, стоим,
За окном, как будто море
Зеленеет, а за ним

То ли садики-игрушки,
Золотые огоньки,
То ли елки на опушке,
Да степные ковыльки.

Ночью горы показались,
Словно призрачный Парнас,
Поманили и промчались,
Навсегда исчезли с глаз.

Горы, горы, ваши пики
Только душу бережат,
А на склонах ваших блики
От резвящихся ягнят.

Еду, еду, еду к деду,
К деду, к деду, к деду еду.
Стук колес, дороги даль,
Редкий дождик на стекле,

Лишь в душе моей печаль,
Как фиалка в ноябре.
Знаю, деда больше нет,
Вот тоски моей секрет.

Деда нет, а я – поэт.
Я – поэт, а деда нет!
Полу лепет, полу бред,
Я – поэт, а деда нет.

Здравствуй, город мне знакомый!
Мне знакомый, не родной.
Здесь я дома и не дома.
Одиноко мне одной.

Поезд свистнул и умчался,
Унося домой привет,
А по рельсам разметался
От колес прощальный след.

Длинной улицей зеленой,
Мимо окон и дворов,
Вдруг увидела знакомый
Старый сад, дверной засов,

Только окна-то, слепые,
Заколочены доской,
Словно стены неживые
Захлебнулись тоской!

Все, как день минувший встало
Предо мной и ясно вмиг —
Как хозяина не стало,
Сиротою дом поник.

Что ж, добрались, повидались,
Пусть теперь, чем никогда.
И расстались, может на год,
На два, или навсегда.

Мы душою повидались!
Проводила я его
В час, когда стихи слагались
Над могилой над его,

В час, когда на черном небе
Луч последний догорал,
Он промолвил: «Я здесь не был,
Это ветер нашептал

Моим голосом летящим
Песню мудрости воздал.
Я невидимым, скользящим,
Быстрым жестом, свой талант

Передал тебе и снова
Встал в гранитный пьедестал".

Как же так, ну как же так?!!

Сжав отчаянно кулак,
Боль почувствовав внезапно,
Раскрываю я его:

На ладони вижу ясно
Дедом данное перо!

Забрезжил свет в тумане Мироздания.
Растаял призрак. Затворилась дверь.
Окончено вне времени свиданье.
Я продолжаю Путь твой, дед, поверь!

Елена Казакова, Москва

Доброта

Не обижайте детей и зверей,
Дарите тепло им и ласку,
Не забывайте своих друзей,
Снимите бездушная маску.
Заботой о близких живите,
Души не жалея тепло,
Домашний очаг храните,
Делайте людям добро.
Гордость и зависть отриньте,
Не будьте мелочны вы,
Чтобы в судьбы лабиринте
Не потерять головы.
Души чистоту и мыслей
Не замутите серебром,
Чтобы идти по жизни,
Строя свой мир трудом,
Не забывая о главном —
Правда на свете одна,
Чтобы ребенок бесправным
В мире не был никогда.
Животным нужна защита,
Уход, забота и корм,
Чтобы Земля покрыта
Была человека трудом.

Букет лилий

Белые лилии – символ света,
Нежной легкости и чистоты,
Изяществом и теплотою согрето
Изящество линий их красоты.
Полупрозрачна легкость их линий,
Легкий свет неизреченный хранят
Белые лилии солнца блики,
Капли росы на них блещут.
Нежные грани букета лилий
Рассматриваю я в чужом окне,
Многих людей красой поразили
Эти цветы на простом окне.
Нежность цветов взгляд привлекает,

Солнечный зайчик на лепестках
Дрожит, по стеклу пробегает
И замирает на миг на цветах.
Светятся лепестки белых лилий
Красотой и изяществом своих
Неповторимых утонченных линий,
Радуют взоры прохожих людей.

Блики свечи

Блики свечи ложатся
Тенью легкой на стол,
А за окном кружатся
Листья. Старый двор
Сумраком вечерним окутан,
Тихо и тепло за окном.
Ворох мыслей перепутан,
Старый закрыт альбом.
Что-то давно забылось,
Что-то забыть пора,
Что-то в душе осталось,
Что-то забыть нельзя.
Отблеск прошлого тихо
Колеблет пламя свечи,
Листает страницы книги
Ветер, влетевший в ночи
В комнату, небрежно треплет
Занавески на старом окне,
Кот на диване дремлет,
Сверчок стрекочет в тишине.
Сумерки сгущаются медленно,
Вечер тишиной объят,
Многое в жизни временно,
Дни, как птицы летят,
Прошлого страницы листая,
Жизни меняется ход,
Отблеск свечи освещает
Стол, ларец и комод.

Александр Крупнов, Московская область, Краснознаменск

Тишина

Я жду, склонивши голову в утробе
На склоне лет нетрезвой тишины,
Пока она в мужской тюремной робе
Спиной считает впадины стены.

Расстрелянная к вечеру бунтарка,
Меня не доносила: я убит.
Нам жарко от огней и взглядов. Жалко,
Что вырван да растоптан ветхий быт.

Я был ее ребенком или мужем...
Какая к черту разница? Надлом.
Над млечностью кадящих, дымных кружев
И зыбкость мира катится углом.

Я чувствую: дробяще-жженный сахар
Кусает плоть и падает в нутро.
И пыль на пальцах – будто крохи краха;
Морщины паутинят тонкий рот...

Гримаса тишины – моя гримаса.
Мы больше не равны – истреблены!
Сотрите (кто-нибудь!) церковным маслом
Порезы с негибимой спины...

* * *

Творческим Женам

У мира нет краев,
Нет голых линий,
Углов и тишины, остреющей вокруг...
Из вазы вынут сбор
Сутулых лилий:
Убавлен до весны сомнительный недуг.
Я выйду из окна,
Вошедши в двери,
Оставляю позади обыденный уклад.
Я впредь не ошибусь —

Поправка к «вере»:
Безрамочно отдать, умножив во сто крат,
Рожденное сперва
Простое слово,
Которое с тобой нам выпало испытать.
За чаем все равны:
Он чашкой скован,
Как мы обручены волнением – любить.

* * *

Сквозят друзья в фонарном мелколесье;
То там, то тут – приют моим словам...
И счастье, что нет желтых красок лести:
Разлуки есть – по вере, по пятам.

* * *

У человека – тонкие
Пальцы, душа и пульс:
Вытянуты и скомканы
В чью-то судьбу. И пусть.

У человека – тихая,
С белым налетом, речь.
Под Небо ею тыкая,
Он по изгибам плеч

Перья растил из черного,
Будто земля, сукна.
Много да спело-спорного
Впитывал, но не знал...

Сызмальства до бессмертия
Неосторожен бег —
Шепотом горьким: «Верьте мне!» —
Высится человек.

Против ли, по течению
Вьются пургой у ног
Приступы мелочения...
Жить – это только слог...

* * *

Поэтам прошлого века

Уходят люди, гулками шагами
Вгрызаясь в раны мокрой мостовой...
Холодными и трудными руками
Я воздух обнимаю за толпой.

Я пью кисель туманный. Жажда ветра
Неутолима в этой пустоте.
На расстоянии пристального метра
Плывет лозы живая полутень:

Уходят – не добродят люди-гроздья,
Пролившие артерии вина.
В запястья их масскультовые гвозди
Годами тычет матушка-страна;

И рты у них зажаты... Шорох. Шепот.
Слоистый вечер кинул в небо плед.
И каждый уходящий поднял ворот.
И каждый уходящий был – поэт...

* * *

Усталость у порога вся в пыли...
Дверной проем не выдержит напора.
Не клином вышибают этот клин:
Но памятью – безвременные споры.

Молчание листа зеркалит крик
По контуру от гладко-черной туши.
Аллюзия: у моря есть старик;
У творчества – нескомканные души.

* * *

Алисе, девочке из «Циферблата»

Устали руки без тепла и скобок
Других ладоней, взятых воедино.
Я зыбко скромн, молчалив и робок,
Зажавши снова меж губами льдину.

Я буду крайней датой не в апреле,
А в январе – трибуне перемены.
Мой жидкий шепот прыснет еле-еле
В твои почти что голубые вены.
Запястье-карта. Высохшие реки.
Я молчалив, влюбленный, до заката.
Читай – молюсь с безверием калеки,
Чтоб ты ушла с намерением возврата.

* * *

Деревне Озерки

Скрипнет дверь в престарелые сени
Убаюканной в ветлах избы;
Звуки города взмыленной тенью
У виска подлетят на дыбы...
... И уйдут в потолок на коленях,
Где из трещин – клубы паутин.
В духоте тяготеющей лени
Тишина, как седой палантин,
Опадет на промасленный воздух,
На закаты – бумажную гладь:
Мутновато-холодную воду
Из нее бы черпать и черпать!
Но в прозрачии – суть и рассудок,
Здесь другая уловка села:
Что-то теплится, что-то... покуда
Церковь мертвая просто цела.

* * *

Желтеет голос – осень первая
Сечет квадратами оконных рам:
Сутулость в комнате не скрыть ни перьями,
Ни подаянием на новый храм.
Сутулость в голосе едва замечена,
Как признак тайного на рубеже
Течений времени и беглой речи к нам
Из чьих-то праведно-искомых жертв.
Какая истина? В каком сплетении
Уравновешивает ход вещей?
Пока дождливое во всем биение
Хранит минутная, в одном плаще,
Касаясь паперти и листьев охровых,

Я выйду с совестью на диалог.
И слижут лужи мне веками мокрыми
Дороги-паузы с потертых ног...
«Какая истина сулит бесследие
Немузыкального мотива рук?
Перекрестился бы под звоном меди я,
Перемолился бы, не зная букв.
Но сиплый памятник гордыне, страху в долг
У горла приступом берет слова...»
На подоконник мой, но как на плаху, до —
Поникла каменная голова.

* * *

Алене Цыпленковой

Я стану сном, в одной руке зажатым:
И скол души оскалом тронет рот...
Туман сегодня полон серой ваты,
Бормочет в тон гигантской вере год,
Что мы разбиты плоско и условно
Какой-то датой мая-октября.
Но дрогнет голос, пористый и ровный,
Зайдется пеной, сплюнет, скажет: «Зря...»

* * *

Илье Зубареву

Восход заварен с медом, имбирем,
И не хватает в полноте букета
Двух капель сливок, белым январем
Скрутивших пламя позднего рассвета.

Я буду честен. Пар из-под ресниц,
И руки часто-часто греют воздух.
Не замечая карты новых лиц,
Весь мир вокруг опять меняет позу.

Мне ближе хрипы снежной темноты
И сиротливость звездного недуга...
Поэт нарочно лезет на кресты
И верит жадно в силу слова друга.

* * *

Юлии Ермакович

Почитать бы стихи – январь,
Убежать бы с тобой – нет мая:
Одиночество и рояль.
Нотами обнимаю...

* * *

Снег упадет в декабре
И покарябает чувства
Сливками с твердых рек,
Белым капустным хрустом,
Хитрой игрой простуд
Сквозь хрипоту и ребра,
Разностью амплитуд
Графиков «Злой» и «Добрый»...
Год, снегопад. Конец
Жизни из двух трилогий:
Автор – Герои – Чтец,
Люди – Поступки – Боги.

Александра Крюкова, Москва

Путь

Здесь за сцены из Камасутры
Вожделеют земных наград...
Я приду к тебе, словно утро,
В час, похожий на твой закат...

В пору жгучего листопада
Здесь копают бездонный ров...
Я вдохну в тебя жизнь... Не надо
Благодарностей и даров...

Здесь, как птицы, свободны воры,
Допиши за меня главу...
В Путь тернистый в иные горы
За собою не позову...

Здесь так много нечистой силы,
И распахнута зверя пасть...
Слишком сложно в дороге, милый,
Не споткнуться и не упасть...

Не считая давно недели,
Тихо плачет о детях Русь...
Если вдруг ты мой Путь разделишь,
До земли тебе поклонюсь...

20 октября 2011

Никто, как ты

Никто, как ты, не будет близок мне...
Им здесь общаться только лишь речами,
Им не открыть святых небес ключами,
И не пропасть в душевной глубине...

Никто, как ты... Их жизнь проходит сном,
Они считают встречи и разлуки,
Им лень расти, и от внезапной скуки
Их пустота заполнится вином...

Никто, как ты... Им сложно не дышать,
Им важен бег сомнительный по кругу,

Им так легко назвать любого другом
И тут же с той же легкостью предать...

А нам с тобой не надобно давно
Ни слов, ни снов, ни встречи, ни разлуки, —
Так много лет твои глаза и руки,
Твоя душа – во мне и надо мной...

03 ноября 2011

Поцелуй меня

Поцелуй меня в губы безоблачным небом,
Океанским дыханьем, парением птицы,
Вся земная любовь – очевидная небыль
Из шкатулки, где спрятаны все небылицы.

Поцелуй ароматом цветков эдельвейсов
В час заката индиго, неожиданным рассветом,
Я затеряна где-то – дрейфующий крейсер
В окружении льдин, унесенная ветром.

Поцелуй меня лаской немых снегопадов,
Грустной песней дождя, миражами пустыни,
Появлением радуги на водопадах,
Звонким эхом в горах и Местами Святыми.

Поцелуй меня звуками нежных прелюдий
Вечной Музыки Сфер, перекрестьем – в дороге...
Я когда-то любила, как здесь любят люди,
Я не знала, как сладко целуют нас боги.

03 февраля 2012

Что такое счастье?

Писать безголосые строчки,
Стучать в Небеса осторожно
И не получать ответа...
Но это не повод для точки,
Знаешь, счастье – это возможность
Знать, что ты есть где-то...

Рисовать на асфальте мелом,
Быть собой до конца и... дольше,
И с тобой – иногда – рядом...
Я сказать тебе только хотела:

Знаешь, счастье – это когда больше
Говорить ничего не надо...

Любить... А любовь – безусловность,
Отчего же тогда ты горюешь?
Любимый мой, ты меня слышишь?
Знаешь, счастье – это возможность
Дышать, потому что – любишь,
И жить, потому что – дышишь...

Не просить для врагов наказания,
Босиком по траве и лужам,
Лишь помнить – душа нетленна...
Знаешь, счастье – это сознание
Того, что ты все-таки нужен
Огромной такой Вселенной...

Отдавать без остатка, без «если»,
Ведь за что-то – отдать несложно!
И в других разжигать пламя...
Знаешь, я пишу стихи и сочиняю песни,
А счастье – это когда ты можешь
Оставить свой след на память...

Поверить, что жизнь – это чудо,
Божественное творенье,
Подарком принять многогранным...
Знаешь, не думай о том, что будет,
Ведь счастье – это умение
Быть каждый миг благодарным...

22 декабря 2007

Я каждый миг благословлю

Я каждый миг благословлю
Своей безумной жизни все,
За то, что я тебя люблю,
За то, что любишь ты другую,
За то, что ты сейчас – со мной,
За то, что ты когда-то – не был,
За то, что есть над головой
Непредсказуемое небо,
За то, что я могу мечтать,
И за несбыточность желаний,
За то, что есть, что вспоминать,
И за тоску воспоминаний,
За то, что тяжела стезя,

За то, что я бреду уставшей,
За то, что рядом есть друзья,
И за людей, меня предавших,
За то, что у меня есть кров
И белоснежные одежды,
За то, что в сердце до сих пор
Еще не умерла надежда,
За то, что светел божий лик,
Мне силы в храме подающий,
За то, что каждый в жизни миг
Не повторяет предыдущий.

15 марта 2002

Людмила Кудлова, Москва

* * *

Как улыбалось утро... застенчиво и нежно.
Лучи спокойно ждали бессмысленных забот.
И прошлое, как будто подаренный подснежник,
В серебряном стакане томилось целый год.

Как улыбалось небо, готовясь к пробуждению.
Весенние надежды резвились в облаках.
Блаженный запах хлеба предшествовал рождению
Святого вдохновенья, блуждавшего в веках.

* * *

Запах кофе – лихая причуда,
Терпкий вкус отшумевшей судьбы.
Этот странный порыв ниоткуда,
Этот миг, растворяющий быть.

Черный всплеск разъяренного света.
Гибкий стан ускользнувшей мечты.
Это – участь любого поэта,
Отыскавшего след красоты.

* * *

Летний дождь встряхнул ладони...
Эти капельки сомненья
Прячут в изумрудном тоне
Переливы настроенья.

Отблеск маленького счастья.
Миг доверчивого чуда.
Насыщались мысли, страсти,
Появившись ниоткуда.

* * *

Осень черпает слова
Из дождей и разговоров.
Золотых морщинок ворох
Разлетается едва.

Зарифмованные птицы,
Вдохновенья звездный рок.
Ветер рвет твои страницы,
Обжигаясь между строк.

* * *

Этот снег я согрею губами
Просто так, ни за что, за судьбу...
Тают прошлого сны между нами,
Разбросав между звезд ворожбу.

Надорву мимолетные страсти
Озарением прожитых дней.
Чертит ветер на снежном запястье
Отраженье ночных фонарей.

* * *

В зимнем парке играли скрипки,
Завораживая метель...
Полусон, полубред, ошибки,
Уходящие в чью-то тень.

Хрупкий лед утомленной негой,
Зацепившись за край мечты,
Полетел, наслаждаясь снегом,
Дивной радугой чистоты.

* * *

Я забреду в твоё пространство,
Любуясь ненасытным снегом.
Откину полог постоянства
Созревших чувств, сомнений, неги.

В замороженных ощущениях
Так безмятежно, так привольно.

В пушистых листьях краткой тенью
Мелькнул февраль, собой довольный.

* * *

Все казалось смешным, нереальным...
Вечный клоун, заядлый трюкач
Бросил шляпу и клетчатый плащ,
Поклонившись манежу печально...

А в гримерной охапка афиш
Встрепенулась обшарпанной лестью.
Сняв парик, уходил в неизвестность
Вечный клоун... Ненужный старик...

Все казалось... Как время летит!..

* * *

В каких мирах блуждаешь ты?
Бокал насыщенного рома
Струится по ступенькам дома
Давно потерянной мечты.

В каких мирах? Я полечу
Над тайной проповедью света.
И осторожно, незаметно
Коснусь твоих усталых чувств.

* * *

Старуха бормотала...
Нанизывал слова на паутину вечер.
От придыханья тоненькие свечи
Пружинили едва.

А на пороге пес,
Уткнувшись в образок луны
тихонько выл.
И не было глубинных сил
И сострадания слез.

* * *

В темной комнате шаги...
Угольками жарких строчек
Расцарапаю круги
Нежелательных пророчеств.

Над камином лунный свет
Таёт в вычурных объятьях.
Никого со мною нет...
Только... шорох. Шорох платья.

* * *

В черных бокалах ночной колыбели
Птицы, рождаясь, звенели, звенели,
Высвятив грани Любви.
В чувственном лике земного пространства,
В млечном пути удивительных странствий
Гордо парили они.

* * *

Ночь вспорхнула... Созрели сливы.
Терпкий вкус золотистой неги.
Ты сегодня такой счастливый,
Ты таким никогда не был.

Соберешь в небесах строки,
Ускользающих звезд бремя.
Ты сегодня такой одинокий
Пролетел, всколыхнув время.

* * *

Я о тебе не знаю ничего...
Перебираю день то тот, то этот.
Как обезьянка с голубым билетом,
И ты – шарманщик счастья моего.

Что скажешь мне, мой черный талисман?

Твой праздник так хорош, но так недолог.
И серпантин от новогодних елок,
Усталый клоун собирает сам.

* * *

Когда молва покинет этот день,
Все будет просто в прелести осенней.
Окутает рябину страсти тень,
В палитре растворяя наважденье.

Незримых бед зазубрится строка.
И полетит, кружась в небесном хоре,
Дар Божества, непонятый пока,
Оберегая в радости и в горе.

* * *

Как хочу синевы...
Выйду в поле и руки раскину,
разгоню облака и вспугну наболевшую тишь.
Только выгнул туман
над рекой серебристую спину,
и о чем-то родном
вспоминает под вечер камыш...

Тонет лес в синеве
и поля, и дороги косые,
и щемящий простор,
и деревья, что пели во мне...
Эта синяя Русь, это нежное сердце России,
этот сноп васильков
на раскрытом зарею окне.

Илья Лируж, Москва

И только слово убегает тленья (Венок сонетов)

N1

Язык не закрепляет бойкий вздор,
Отточенность его нам много объясняет —
И если страстью вспыхивает взор,
То он же добротой сияет.

Пусть плоти мы услуживаем всласть,
Но это не служение, а служба —
И если душу обжигает страсть,
То согревает доброта и дружба,

Все больше в сердце пепла и углей,
Пылаем мы все реже, а не чаще.
И если годы, полные страстей
Уходят – доброта непреходяща...

Еще нас ослепляет нагота,
Но жизнь нам освещает доброта.

N2

Что наша жизнь без грана доброты!
Мы совершаем грустные поступки.
То ложь не отличим от правоты,
То, видя ложь, – ей делаем уступки.

Мы часто перед сильным выю гнем,
Мстя слабому: пред ним жестоковыйны.
И страшно думать: мы его распнем
Толпой – когда распять прикажет сильный.

Мы слепы, но горды, справляя в суе
Свой потный грех, доверясь осязанию.
И страшно прозревать в кромешной темноте.
И страшно на себе в минуту осознания

Не ощутить ни чей сочувствующий взор.

Как самому с собой свой пережить позор?!

N3

Как самому с собой свой пережить позор?
В крошечной темноте едва мерцают тени
Бесплодных замыслов. Причудливый узор,
Невоплощенный мир духовных откровений.

Когда, в какой момент, в какой несчастный день
Мы отдаем себя вещественности тленья,
Покинув первую, ничтожную ступень
Духовности, нам данной от рожденья.

Чтоб у подножья лестницы души,
Несущей ввысь крутые очертанья,
До тризны собственной всю жизнь в себе глушить
Призывный крик – к кому? —
безмолвного отчаянья.

Как рыбы на песке, мы разеваем рты
В конвульсиях духовной немоты.

N4

Конвульсии духовной немоты
Являются ль предвестьем пароксизма,
Когда почудится: они не так круты —
Ступени, нас ведущие от тризны.

Карабкаясь из всех душевных сил,
Какую страшную мы делаем работу,
Пока из глотки, гной и кровь смесив,
Наш первый хрип прорвется сквозь мокроту.

И обессиленно, на ближних ступенях
Мы болью изойдем, обрезав пуповину,
И гниль с души отхаркиваем в прах,
Страшась не выкричать хотя бы половину.

Пусть это не конец – все повторится снова,
Но пароксизм души да разрешится словом.

N5

Но пароксизм души да разрешится словом!
Из праха сотворен – вновь обратится в прах.
Все поглотит земля – она первооснова,
Она же и финал. Кому неведом страх

Исчезновенья. Кто пред ним достоин?
Прелестна женщина – где прелести ее,
Где покоренный ею воин? —
Равно в земле подвязка и копье.

Князь и его клевет – равно в могиле оба.
Истлели хижины, бесследно после них
Исчезли города. В веках кладут во гробы
Великих – и чредой за ними – малых сих.

Так поколения сменяют поколения,
И только слово убегает тленья.

N6

И только Слово убегает тленья —
Вневременна его мистическая власть.
Сквозь поколения проходят светотенью
Высокая любовь и низменная страсть,

Добро и зло, призванье, отторжение,
Счастливый сон или ночной кошмар,
Презренный факт, игры воображенья
Божественный неповторимый дар,

И слезы старости, и звонкий смех младенца.
Хвала и клевета, участие и корысть,
И безрассудность чувств неопытного сердца,
И хладного ума расчетливая мысль —

Все в этом мире выражено словом —
Неизреченное сокрыто под покровом.

N7

Неизреченное сокрыто под покровом —
Таинственна его космическая суть.

В глубины призрачные знания вездного
Не многие из нас сумеют заглянуть.

На верхних ступенях, где лестница спиральна,
Лист Мебиуса прям, и время не бежит,
Где можно понимать, что – мудро и печально —
Мурлычет старый сфинкс подножью пирамид,

Где памятью времен наполнен звездный ветер,
Бездонность глубины – с бездонностью высот
Сопряжены, и где – освобожден и светел —
Неизреченное наш дух осознает —

Лишь там приемлем мы без страха и сомненья,
Что отторгает мысль по логике мышленья.

N8

Что отторгает мысль по логике мышленья! —
Как трудно постигать неразвитой душой
Погрызшим в бытие почти без сожаленья —
Как долго нам идти по лестнице крутой,

Как странно нам внимать звучанию эфира,
Как страшно нам дышать разреженностью сфер,
Как далеки от нас Учителя Памира
И провозвестники любой из наших вер.

Не логикой ума, но вспышкой вдохновенья
Способен человек проникнуть за предел,
Назначенный ему Творцом от сотворенья —
И тем преодолеть ничтожный свой удел.

Мы вправе полагать себя венцом творенья
Лишь в краткие минуты вдохновенья.

N9

Лишь в краткие минуты вдохновенья
Способен человек подняться до Творца
И от слепой толпы не жаждать поклоненья
И ни лаврового венца.

Но может быть, когда минуты эти
Придут к тебе не раз или не два,
И ты сумеешь подобрать в сонете

Ложась на сердце слова —

Когда-нибудь на твой могильный камень,
Который, как и ты был, одинок —
Но кто-то благодарными руками
Положит свежий палевый цветок.

И это все, что человеку надо:
Из всех наград — достойная награда.

N10

Из всех наград — достойная награда ...
А если кто-то из слепой толпы,
Хоть кто-нибудь к тебе пробьется взглядом
Сочувствия, а может быть, мольбы —

Хоть кто-нибудь, с душой слабее тени...
Ты — сильный духом — сердце отвори
И с тем вторым — пусть через все ступени —
Найди слова и сам заговори.

Пусть самому себе ты жалок и противен
И знаешь о себе, что сам — лишь прах и сор,
Но, выйдя из толпы, ты стал оттуда виден
И потому ты — Бог, что означает — добр.

Из тех, кто выбрал путь высокого боренья,
Блажен лишь тот, в ком нет ожесточенья.

N11

Блажен лишь тот, в ком нет ожесточенья,
Кто принял мир таким, каков он есть.
И путь его — высокого боренья
С самим собой — тебе Благая Весть.

Нить Ариадны в долгом лабиринте
Земных страстей — неоценимый дар.
Но вновь и вновь произойдет соитие
Быка и человека. Минотавр —

Вот символ — греками угаданный — породы:
Не богочеловек, а человекобык.
Из шкуры вылезти — мучительные роды,
Пока сквозь морду не проступит лик,

Как пробивается луч света сквозь ограду...
Кого винить – ты сам себе преграда.

N12

Кого винить – ты сам себе преграда
На избранном тобой единственном пути.
И женщина твоя – ей так немного надо —
Увы, она права в желании уйти.
Ты говоришь себе: как может быть иначе —
И вспарываешь жизнь —
как брюхо рогом – лбом.
Но женщина твоя опять сегодня плачет —
Ты снова позабыл, что есть она и дом...

Набыченный и злой, ты стынешь у порога,
Упершись взглядом в пол,
чтобы не видеть слез.
И слышишь лишь одно – тебя зовет дорога
В высокий мир твоих безумных грез.

Что – женщина! Ты – монстр.
Из глотки рвется рык.
Ты – минотавр, ты – человекобык!

N13

Ты – монстр, ты – Минотавр, ты – человекобык
Ты груб, и ты силен, и можешь жить на свете.
Но счастлив ты лишь тем, что дан тебе язык —
Живую душу выплеснуть в сонете.

Твой путь еще далек, ступени высоки,
В душе еще тоска, и сумерки, и тени.
И счастлив ты лишь тем, что женщина руки
Не отняла в минуту сожалений.

И если ты устал и хочешь заглушить —
Хотя бы водкой – страх, что обречен от века,
Ты счастлив тем одним, что доброту души
Наследовал от Богочеловека.

Еще не человек, а человекобык...
Но вот сквозь морду проступает лик...

N14

Язык не закрепит пустого вздора —
Что наша жизнь без грана доброты!
Наедине с собой не пережить позора
Духовной немоты.

Томление души да разрешится словом —
Одно лишь слово убегает тленья.
Неизреченное сокрыто под покровом,
Отторгнутое логикой мышленья.

И так редки минуты вдохновенья,
В которых смысл и высшая награда
Существования. К чему ожесточенье,
Кого винить! – В тебе самом преграда:

Ты – Минотавр, ты – человекобык —
Едва-едва просвечивает лик...

1993 г.

Ирина Маркова, Москва

Декабрьский вечер

Занавеской снег завесил
Просинь светлого окна,
Бродит вечер среди кресел,
В темном доме тишина!
Струйкой льется свет фонарный
На покинутом дворе,
Год уходит календарный
В задремавшем декабре.
Жизнь земная замирает,
Замерзают облака,
На снегу фонарь сгорает,
Поступь времени легка.
Эту поступь, словно детство,
Не расслышать за окном.
На скамейке по соседству
Спит декабрь спокойным сном.
Среди кресел в тихом доме
Время замыкает круг,
Фотографии в альбоме
На год старше стали вдруг.
Занавеской сон завесил
Дня и вечности итог,
У иконы среди кресел
Погасил лампаду Бог...

Похолодало

Растаял день, и выпал снег,
Кружа устало,
Как будто в прошлое побег —
Похолодало.
То ль полусвет, то ль полутень
На снег упала —
Погас закат и минул день.
... Похолодало.
Бегут вечерние часы
Куда попало.
... В пределах средней полосы
Похолодало.
И нет от лета и следа —

Тепла так мало,
Но не на век, не навсегда
Похолодало.
Врасплох капризная капель
Меня застала,
Но нынче – март, а не апрель.
... Похолодало.
Но встал восход – монах в миру —
И вдруг несмело
Запели птицы поутру
И потеплело.

* * *

Хожу по жизни, как по кругу,
На дождь размениваю сны,
На снег размениваю вьюгу,
На осень – перезвон весны.
На дни размениваю вечность,
Иль на года – не все ль равно,
А на задумчивость – беспечность,
На грусть – веселье и вино.
На холод – полдень разогретый,
На строчки – отдых и уют,
Но неразменной монетой
Любовь и Вера предстают.

Свиристели

Сыпать снег зима устала —
Намело за две недели.
... На рябине, где попало,
Примостились свиристели.
Это жизни повторенье —
Перьев сказочный наряд,
Снег стряхнувши с оперенья,
На рябину сели в ряд.
На деревьях нету места:
Что ни ветка, то привал.
В тишине февраль-маэстро
Им тихонько подпевал.
Нет предела канители,
Даже время мчится вспять.
... Улетели свиристели,
А февраль помчался спать.

Стайка шумно улетала,
Февраля тревожа сны.
... Сыпать снег зима устала —
Две недели до весны.

Элла Меркулова, Москва

Памяти Б. Ахмадулиной

Из слов тончайшие сплетая кружева,
Воздушных рифм взмывала в небо стая.
В смысл облекались нужные слова,
За музыкой стиха взлетая.

Вытягивая шею, как струну,
Она гортанным голосом читала
Свои стихи. И словно улетала
В свою, лишь ей известную страну.

Она по толерантности своей
В общении была доступней многих
Прозаиков, поэтов и людей
К себе лояльных, к посторонним строгих.

Она не осуждала никого,
Поскольку жизнь как данность принимала.
«Один за всех и все за одного», —
Так дружбы постулат воспринимала.

И хрупкая, она была бойцом.
Гражданский долг как совесть трактовала.
За честь друзей бесстрашно восставала.
Была в поступках и в стихах творцом.

И утонченная, была «Прекрасной дамой»,
Являясь смелым Рыцарем пера.
Она была жива еще вчера.
Непоправимой отзовется драмой

Для всех ценителей поэзии уход
Ее из жизни. Человек культуры
И украшение литературы,
Имела свой к поэзии подход.

Ее с поэзией составилась союз
В любовь взаимную преображеньем,
Усиленным цементом брачных уз
И спаянным глубоким уваженьем.

Она в журнал с названием «Метрополь»
Внесла талант и жар своей души.

Попытки новый воссоздать Акрополь
Были восприняты, как миражи,

Людьми, честь для которых просто байки.
Кто из-за страха потерять пайки
Коротким мановением руки
Свободу силился пересадить на «пайки».

Ей по трудам бессмертие досталось
Удел лишь избранных. И крест свой на Земле
Она несла достойно. Нам осталась
Ее поэзия и ручка на столе.

И в перспективе дальней панорамы
Читателей ждет лучшая пора:
Мы сохраним портрет Прекрасной дамы
В доспехах Рыцаря пера.

Перспектива

Неужто катаклизмы на планете
Предвестник всеобъемлющего краха?
Как научиться созерцать без страха
Стихии грозной «пируэты» эти?

Взорвется изнутри вся твердь земная.
Фонтаны магмы вырвутся с надрывом,
Кроваво-гнойным лопнувшим нарывом
Польется лава, землю закрывая.

Прекрасные цветущие долины
Поля, леса и степи, горы, скалы
Покроет пепел. Скроются равнины.
Золой заполнятся глубокие провалы.

И океанов водные просторы
Поднимутся, столбом вздымаясь в небо,
Прибрежные смывая коридоры
И города, как будто их и не было.

А тот, кто чудом не погибнет сразу,
Столкнется с вопиющей перспективой:
Болезнями и тленом, и заразой, —
Оставшихся в живых прерогативой.

Страшна природы буйная стихия.
В сравнение с ней война – простая драка.

Случись такое, не прочту стихи я
Ни Пушкина, ни даже Пастернака.

Ну а пока в окно стучатся грозы,
Пройдусь по саду, наведу порядок.
Сорву редиску с обновленных грядок
И посмотрю, как расцветают розы.

На стыке каждого тысячелетья
Миллениум грозит Армагеддоном.
И на пороге нашего столетья
Пророчески звучат тревожным тоном

Слова астрологов. Они пророчат, зная,
Что календарь летосчисления майя
Предсказывает вновь парад планет,
Космическое тело на пороге...
Пушай летит по скатертной дороге.
Армагеддона не было и нет!

Дед и баба

Зять за старухой в дом прислал такси.
Мальш кричал, с ним не справлялась дочь.
«Ты поезжай», – сказал старик. «Проси,
Пусть к нам приедут, коль самим невмочь».

За дедом последить мог взрослый внук.
Не оставлять же деда одного.
Уход за ним не требовал наук —
Покушать дать и больше ничего,

Поговорить о жизни, о любви.
Дед политических ни с кем не вел бесед.
Приятель деда, грамотный сосед,
Сам заходил – зови ли, не зови.

Обед был приготовлен на три дня.
Старуха вкусные всегда варила щи.
Бывало, от нагрузок хоть трещи,
Но ей на всех хватило бы огня,

Да только зренье начало слабеть.
Забот, обязанностей – через край.
Да дед сдавал, частенько стал болеть.
Что делать? Хоть ложись да помирай.

Но это к слову. А в делах она
Старалась все успеть на всю семью.
Вела хозяйство, в сущности, одна,
Следя за всеми взрослыми семью.

Отдельно жили дети. Много раз
В командировках длительных был сын.
Невестка на работе. Внук один
Из института заезжал подчас.

Он деда уважал, ценил, любил.
Дед мог ему толковый дать совет.
Промчался не один десяток лет,
Но дед былые годы не забыл.

Который день старик не мог уснуть.
Точнее, он не спал аж третью ночь.
Болело сердце, и сжимало грудь.
Как ни старался врач, не мог помочь.

Вот, наконец, в дом бабушка вошла.
На взгляд прикинула всю очередность дел.
И первым делом к деду подошла.
На нем белье сменила. Он поел.

Сказал: «Спасибо» и порозовел.
Из глаз скатилась тихая слеза.
И он, закрыв усталые глаза,
От радости уснул и... захрапел.

Борис Михин, Москва

Горки

Каникулярные аллеи
светились сказкой в январе,
и снег на радость детворе
был пышным, будто сено летом.

Устав от праздного безделья,
но все еще ленив до лыж,
как расшалившийся малыш
играю словом.
Крепким телом
мамаши с горки разгоняли
детей на санках. Гомон, визг...

Пора бы выставить вам иск,
любимая, с семью нулями
за бестолковый зимний отпуск,
за неиспользованный шанс
распить нам на морозе шнапс.
И я болтаюсь, как оболтус,
скучая дико, между прочим.
Работа тем, кто одинок, —
друг ситный. Только орден
дадут навряд ли.
День испорчен.

А, впрочем... выдвинусь навстречу,
как принц на белом скакуне,
вам, жизнь моя! Пусть Геркулес
нам светит.

Ледяной картечью
нас встретит горка поздней ночью,
и спуск, конечно, будет пуст,
и будет шнапс, и горечь уст...
Ну что же! Отпуск не окончен.

Клочок

Сквозняк в приоткрытую дверь
щекотит клочок на притворе,

и он шелестит, как притвора,
но сам рвется вверх.

Подглядывать в яркую щель
забавно и капельку страшно
(как в детстве, мечтая быть старше).
Тропинка в плюще

там вьется в загадочный мир,
где тоже есть путь вверх, и тоже
он кем-нибудь не подытожен...
Но рукуними

с дверной ручки. Детство уже —
не повод подсматривать. Значит,
у щели иная задача.
Клочок в вираже
взлетел и куда-то исчез...
Хлопок сзади был очень громким,
и мир впереди стал огромным...
зачем?

Принцесса на горошине

Кому-то сладким — одеяло ватное,
кому-то — по грехам их — запах серы,
а мне достались песни ветра с вантами.
В отсутствие надежд спасает вера.

Не вера в Бога, пусть она и главная,
а вера в беспредельность человека,
ведь человек есть штука тугоплавкая
и не ржавеет.

Солнце греет веки,
оно мне часто помогает с курсами
и часто слепит, все-таки ведь — солнце,
но нам не привыкать, на то и русские,
чтоб следовать ему, как крестоносцы.

Кто — человек?
Принцесса на горошине,
горошина — Земля, вода — матрасом.
Мне будущее — это вера в прошлое,
не прожитое глупо и напрасно.

Не важно, что осталось, — на готовое

попасть мне не судьба.
Пойду на веслах
в безветрие, пора отдать швартовые.
Я должен.
Наплевать, что будет после.

Искусственн...

Новое десятилетие, каркнув
ненастоящим, но очень реальным,
режет искусственный камень «болгаркой»...
Время искусственных материалов.

Трудно найти что-то — из настоящих,
даже любовь излучает токсины...
Боль, правда, выглядит очень бодрящей,
невыносима
не наполовину.
(Только не понял — за что. Но знать это —
даже не знаю, чья прерогатива).

Души — не биодобавки в котлеты,
но ведь — похоже, да так, что противно.
Что характерно: ладонью тронь пластик
куртки, — там бьется тревожно и грустно...
Тело уже не «сосуд для», а кластер
(слишком опошлено слово «искусство»).

Мир изменился, но я все надеюсь, —
лишь бы не в главном. Оно, как пылинка...
золота в горной породе. Бесценна.
Мы без него — просто шлак, инвалиды.

Время искусственных материалов,
в сущности, — обыкновенное время,
не параллельно и не радиально.
Мы в нем себе лицемерим линейно,
будто действительно альтернативу
можем создать.
Можем.

Из акварели.
Но под покрытием из дермантина
будет болеть.
Вам видны параллели?

Часть, половина, пылинка —

не важно.
Камень искусственный пилится,
время
катится, ка... будто пятка на влажном,
но падать — нам.
А хотите, проверим?

Перед иконой

Улыбка Бога навсегда кисла.
И не завидуйте ему.
Еще бы!
Каким бы ни был он могучим, добрым, —
возможно ли создать добро без зла?

У палки два конца. Кому ни дай,
одним копнув, другим убьет, простите.
Спасает только то, что есть Спаситель.
Но кто спасет Его? Мы? Никогда.

Не потому ли с нами Он молчит,
не применяя никогда ни слов, ни силу...
и мучается от бессилия. Стерильно
Его могущество. Бог? Получи!..

Галина Мяздрикова, Москва

Чёрный или белый?

В черной-черной куртке черную коляску
с маленьким ребенком женщина везет.
Запивает пивом жизнь свою – не сказку,
курит с матом звонким, ничего не ждет.
В черной-черной жизни вырастет ребенок,
купит себе куртку черную, как смоль.
Черную коляску, выйдя из пеленок,
видя шутку злую, оттолкнет, как боль.
А навстречу в белом тихо, осторожно
пред судьбой ступая, катит малыша,
может быть, Мадонна – (в жизни все возможно)
мама молодая; смотрит, чуть дыша,
смотрит на девчушку – в розовом, воздушном
одеялке с лентой, улыбаясь ей.
Встретились случайно взгляда два. Что лучше:
черный или белый цвет судьбы твоей?

Романс

Мне дружеский привет сегодня Вы послали,
Но буду ждать опять признания в любви.
Не бойтесь, никогда не принесу страданий.
Мой друг, я огорчусь, коль огорчитесь Вы.

Ваш дружеский привет покой мой не нарушил.
Могу о Вас мечтать, тепло стихов храня.
Не ведая того, Вы ранили мне душу.
Вы, мимо проходя, не видели меня.

Я знаю, что любить Вам есть кого сегодня.
Я знаю, не забыть прошедших дней и лет.
Когда цвела весна, мы были не знакомы.
Не посылайте мне холодный Ваш привет.

Евгения Мяздрикова, Москва

Синдром невидимки

Неправда, что смотреть не будут на уroda.
Посмотрят и обсудят. Но тогда
Невидим и один стоишь среди народа,
Коль ослепит в буквальном смысле красота.
И не увидят, слова вслед не скажут.
Заметить страшно – завидно, поди.
И вычеркнут из всех событий важных.
Как будто нет тебя, хоть в люди не ходи.
Прекрасен – не простят,
Умен – совсем беда!
И вновь отводят взгляд от красоты. Всегда?

* * *

И снова стерты файлы.
Не простили
Успехов и способностей...
Судьба? Иль зависть,
Все решающая в мире,
Нажать на кнопку вздумала сама?
Ни кадра не осталось, ни поэмы —
Из памяти изъять скорей, скорей...
За что невидим?
Будем откровенны —
Опять ты лучше многих из людей.

* * *

Стеной от мира отгорожен:
Где красота – всегда стена.
И шаг навстречу невозможен,
Дверь не откроется сама.
Смотреть бояться?
Страшно, знаю,
Увидеть идеал живой...
Но можно просто любоваться
И не скрываться за стеной.

Не желая зла

Не каждому дано быть чутким человеком.
Не каждому дано без грубости прожить,
Ответить резко, и за резкость эту
Впоследствии прощения просить.

Не каждый может слушать и услышать.
Да и не каждый, слушая, поймет...
И в ситуации, где надо быть поближе,
Все сделает совсем наоборот.

Как поступит – даже друзья не знают.
И не желая зла, нас обижают.

Татьяна Нето, Москва

Пианино

доктору Валерию Александровичу

Заболело пианино.
Не чихотка, не ангина.
Нотки грустные поет,
Айболита все зовет.
Наконец, приходит мастер.
Инструмент поет от счастья!
Доктор строг: "Пропой мне «ля» "
А в ответ: "Кхы-кхы...ля-ля."
"Что ж, друзья, лечить мы будем.
Бой дадим сейчас простуде".
Мастер ключик свой берет,
Хри-и-ипло струночка поет.
Раз – подтянет, два – зажмет.
Вот уж струночка ведет
Тонко, нежно, даже хором
И красивым перебором.
Радо, радо пианино!
Еще больше рада я!
Будем петь мы с ним красиво.
На концерт вас ждем, друзья.

Музыка

О! Музыка!
Моей души ты свет.
Слагаешь звуки,
Как поэт
Слагает рифмы.

В сердце свет
Несешь и очищение.
И ни одно уже
Сомнение не омрачит
Мой ясный ум.

Ожесточение
Сменяет нежность,
И душа

Парит над миром
На волнах нот.

И нет высот,
Которые б
Не одолела.
Такую мощь,
Энергию вливаешь,

Что сам себя
Ты удивляешь.
И сердце, полное
Любви, ты
Людям даришь!

Философия любви

Что есть любовь?
Да знает ли ответ
Всяк здесь живущий?
Вовсе нет!

Мы строим лишь догадки.
Нам будоражит кровь
Любая мысль,
Где про любовь

Слова играют в прятки.
Пытаемся постичь,
Найти ответ.
У Бога просим мы совет.

Да, видно, все без толку!
Болтаем без умолку
О том, что не дано
Нам знать,

Лишь чувствовать и
Ощущать
Неясные порывы
Тоскующих сердец.

И где же, наконец,
Ответ: что есть любовь?
Никто не знает!
Душа на Бога уповает.

Один лишь Он
Ответ тот знает
И нам слегка
Чуть намекает.

Апрель-шутник

Порвалась на небе нить,
Раскатился жемчуг всюду.
Не собрать и не словить,
И пытаться я не буду!

Бьют горошинки по куртке,
По машинам, по домам
И танцуют, рады шутке,
Вот устроили шум-гам!

Ветер с градом вместе пляшет,
И лучами солнце машет.
Расплясались, кутерьма.
Словно все сошло с ума!

Ну, апрель! Ах, апрель!
То – тепло, а то – метель.
Все б тебе шутить, проказник.
Ты – весны веселый праздник!

Александр Омелянюк, Москва

Красотка

Боже, боже милостивый мой!
Что творится вновь опять со мной?
Есть еще на свете красота!
И, надеюсь, будет так всегда!?

Повстречалась снова на пути,
И теперь мне мимо не пройти.
Проявилась снова красота!
Высока, стройна, вся, как лоза!

Как прекрасен абрис нежных губ?!
Жалко только, что я ей не люб!?
Молода, красива – хороша!
На нее глядел я, чуть дыша.

А разрез красивых, серых глаз?!
Видно он с ума сводил не раз?!
И меня сразил до глубины души,
Будто родом был я из лесной глуши?!

Волосы льняные до груди,
Что призывна на моем пути
Не дает глаза мне отвести.
Я не знаю, как себя вести?

Кожу – персик или ананас
Дополняет блеск чудесных глаз.
И скажу я честно, без прикрас:
Я красавиц видел много раз!

Но такую увидал впервой —
Тряханул седую головой.
Мне годков бы эдак тридцать снять,
По уши влюбиться бы опять!

Грациозны руки, плечи, стан.
Габитус родителями дан.
Талия осиная к бедру
Создавала форму не одну.

Оживальность нежных этих форм
Подтверждала правильность всех норм.

А мои желанья не унять.
Так хотелось мне ее обнять!

Запустить ручищу в волоса,
Заглянуть в прекрасные глаза!
А другой всю грудь ее измять,
Сильно всю ее к себе прижать!

Страстно впиться в сладкие уста!
Тела чувствовать прекрасные места!
Но года не повернуть мне вспять.
Красоту могу лишь воспевать!

Реутов, 17-11-44

Глаза – волна

А у тебя глаза
Цвета морской волны.
Талия, как лоза.
Ноги твои длинные.

Обнял твой нежный стан,
Крепко к себе прижал,
В губы тебя целовал —
Голову я терял!

И я вдыхал аромат
Свежий духов твоих.
Был я несказанно рад —
Счастье одно на двоих!

Вот я гляжу в глаза
В кайме длиннющих ресниц.
Не достать в них до дна.
И я падаю ниц.

Словно я на волне.
Часто захватывал дух.
То я в ее глубине,
То на поверхности сух.

То вдруг подбросит вверх.
Тут же опустит вниз,
Волной накроя сверх.
То вдруг спокойный бриз.

Вот я у ног твоих.

Так укачало меня.
Нет уже сил моих.
Я умоляю тебя...

Москва, 42-11-28

Маргарита Петухова, Москва

Сыновья

Мне сыновья подарены судьбой.
Два сына, две опоры, две скалы,
И что бы ни случилось вдруг со мной,
Приедут, прилетят мои орлы.

С проблемой надо справиться самой,
Беречь их силы, нервы и покой.
Не каждый раз на помощь позову,
Но вот успехами сынов живу.

Горжусь, что меж собой они дружны,
Что любят землю, на которой рождены,
Что берегут очаг своих семей,
Что ценят и не предадут друзей.

Лунная дорожка

Сию на берегу родной Исети,
Округа ласково освещена луной.
Не слышно всплеска волн, все – в дивном свете,
Струится лунная дорожка предо мной.

И вспомнились Москва и гордость Третьяковкой,
Где время для Куинджи посвятив,
Стояла долго перед лунною дорожкой,
Пред гением колени преклонив.

Я помню ...

Я помню эшелоны тех бойцов,
Что с Запада шли спешно на Восток.
Шагало по стране Победы лето,
И батальоны окружал восторг.

Издалека был виден тот состав,
Украшенный весь ветками березы.
В отличной форме и при орденах!
Печаль и радость вызывали слезы.

Увидев этот поезд на подходе,
Мы, девочки – подростки той войны,
Бежали в поле собирать в букеты
Цветы любимые родимой стороны.

Кидала свой букет я офицерам,
По возрасту напоминающим отца.
В вагон солдатам – девочки постарше,
И комплиментам косам не было конца.

Не знали те бойцы, что едут воевать,
То было строгой тайной даже командирам.
За связь с Германией пора ответ держать,
Пора Японии ответить перед Миром!

Людмила Полежаева, Новосибирск

* * *

Все чаще вижу розовые сны,
Порой цветные. И во сне летаю
С приходом той чарующей весны,
Когда весь снег уже почти растаял.

Вверх полечу, до золотой луны.
Парю на легком ветре над землею.
Веселые и красочные сны!
Жаль, что тебя не взять туда с собою.

Безрассудная встреча

Телефонный звонок. Тихий голос до боли знакомый,
Разговор обнаженных сердец и короткое «жду».
Прозвенели призывно слова в пустоте невесомой.
Нет и тени сомнений. Решил: непременно приду.

И не помня себя, как безумная чайка, летела
К беспредельному счастью, раскинув
два легких крыла.
С наслаждением в крепких объятьях
блаженно горела,
Будто силу любви для него одного берегла.

Но картина свиданья лишь только придумана мною.
И гудки в телефоне, и я никуда не бегу.
Накрывает захлест нестерпимой горячей волною
Безрассудная встреча в моем воспаленном мозгу.

Поскорей исцелиться б от этой сжигающей хвори.
Постараюсь забыть, что была откровенно нежна.
Совладаю с собой, успокоюсь, остыну. И вскоре
Перед мужем смиренно покаюсь,
как в мыслях грешна.

* * *

А воздух уж весною дышит...

Ф.И. Тютчев

Прошли томительные времена
Сна крепкого и долгого зимовья.
Земля проснулась, поняла: «Весна!»
Вздохнула, оживилась, дышит новью.

Растаял снег, в тени еще лежат
Кунштюком ледяные кучи.
Где греет солнце, больше вдоль оград,
Трава зеленая, тимьян пахучий.

Теплее дни, подсохли колеи.
Пар от земли. Дрожит, струится воздух.
Чирикают и скачут воробьи,
И клювом пьют смешно из лужи воду.

* * *

Эра, как вертикальные счеты,
Время-спица нанижет в ряд
Дни, недели, месяцы, годы...
Все быстрее костяшки стучат.

Их уложит в десятилетия,
А потом запрессует в века,
Навсегда в тысячелетья
Запечатает наверняка.

Вся история мира – картинки
В монолите времен бытия.
Для него мы микропесчинки,
Краткий миг – жизнь твоя и моя.

* * *

Это было вчера или очень давно?
Ветер, воя, врывается в ночное окно.
Мы молчали, но в крике устали глаза.
Знали мы, что и так уже все решено.

Разминутся беспечные наши пути...
Губы бледные просятся крикнуть: «Прости!»
Промолчи! Мы душою должны дорасти
До высокого чувства. Так дай мне уйти.

Разминутся до срока зигзаги – пути,
Чтоб друг друга постичь и себя обрести,
И сквозь непонимания душный туман
Сердцем к сердцу навстречу однажды прийти.

В очищении душ нам не нужен никто.
От мещанства, от лжи мы с тобой далеки.
Мы с тобой у истоков Великой реки
Под названьем Любовь. Не подай мне руки.

Все сначала начнем. Не подай мне руки.
Я сама. Я скала. Я сильна, как и ты.
Что мне злые чужие сейчас языки?
Мы с тобой у истоков Великой реки.

Марина Ромадина, Москва

Красота

Я ищу красоты и чарующей жизни
Средь шедевров искусства, прекрасных вещей,
Где себя ощутила б я ненадолго царицей,
И в душе идеала достигла б скорей!

Кто сказал, что красивое – это греховно?
Никогда мне таких людей не понять.
Чужды мне эстетические банкроты,
Кому чувство прекрасного надо занять!

Я хотела б вернуться в волшебную сказку,
Что в душе поселилась, за собою маня.
Где я с принцем жила бы в диковинном замке,
И кругом райский мир окружал бы меня!

Там, где люди прекрасны и лицом, и душою,
Где чудесные птицы и животных стада!
В место то, что Художник нарек Красотою,
Когда создал тот мир для тебя и меня!

Что теперь нам напомнит былое то время?
Может быть, то, что радует душу и глаз,
Что художниками было создано теми,
В ком великий заряд красоты не угас!

Я хочу одеваться в нарядные платья,
Хочу жить в окруженьи красивых вещей,
И желала бы взором при жизни объять я
Все, что в нынешнем мире прекрасного есть!

Все предметы великих произведений искусства —
Украшений Земли драгоценный ларец!
В них вложили художники свои мысли и чувства,
И на каждом из них совершенства венец!

Я люблюсь своей вазочкой антикварной!
Поражает нездешней она красотой.
И сережек моих разноцветные камни
Смысл напомнят мне радуги¹ ее непростой.

¹ Мистический смысл радуги – завет между Богом и человеком.

На иконе Владимирской – четыре эмали
И узоров причудливых переплет.
Но искусство духовности совсем не лишает,
Лишь душа красотой устремится в полет!

Душа каждого замыслена чистой, прекрасной!
Так Великий Художник ее сотворил.
И в твореньях искусства гармония красок
Для души исцеляющих исполнена сил!

Вот смотрю пред собой, и меня умиляет:
Бюстик бронзовый Пушкина стоит на столе,
Лик его золотистый при свете сияет,
Воздавая должную честь Красоте!

Праздник жизни

Иного счастья не ищу —
Мечтаю жить я полной жизнью.
И праздновать свою судьбу,
Где каждый новый день – открытие.

Я каждый день благословлю
И восхваляю я жизни праздник:
Вином веселья напою
Друзей и мимо проходящих!

Я жизни час не тороплю,
Его с восторгом проживая.
В отрезок времени хочу
Я прозревать ворота рая!

Себя на жизнь я вдохновлю,
Минуте гимны воспевая,
А своей жизни кораблю
Счастливой пристани желая.

Осень жизни

Ах, оставьте меня в покое!
Друг иль враг, ты меня не ищи.
Я оплакиваю сегодня
Потерю частицы души.

Я сейчас хороню потери —

Дней молодых небывалый расцвет.
Как напрасно они пролетели!
Объяснения этому нет.

Разменяла я пятый десяток,
Осень жизни я встретить спешу.
Череду бесполезных схваток
С этим миром я завершу.

А когда-то четвертый десяток
Я, лелея свою мечту,
Разменяла. Но вороны рядом
Заклевали меня на лету!

И пусть будет особенно сладок
Моей жизни желанной закат!
Погружусь я в него безоглядно
И в осенний уйду листопад.

Все дела приведу я в порядок,
Бога в помощь себе призову.
Разменяв последний десяток,
Я из этого мира уйду.

Алексей Самарин, Ростовская область, село Ольшанка

Дожди

Люблю осенние дожди —
Они, как русская душа,
Корнями в землю проросли,
А крона рвется в небеса.
Они зарядят на весь день,
Ненастье волю усыпит.
В них слякоть русских деревень
По бездорожию стоит.
В них созерцательный уют
И бестелесный аромат,
Они потоками не льют,
А равнодушно моросят.
В них нет напора,
В них – надрыв и беспредельная тоска,
Глубинный, сдержанный порыв
И откровенная хандра.
Без перерыва, не спеша,
Не знают, для чего идут.
Они, как русская душа,
Надеждой вечною живут!
Дождь летний – это Инь и Ян,
С грозой ливень прошумит,
Через минуту пастораль —
Дугою радуга висит.
Сверкает влажная листва,
В просветах ласковая синь
И канифолят облака
Небесную до глади ширь.
Луч солнца нежно пробежит
По теплым лужам янтarem.
Зеркальным блеском озарит.
Парным напоит молоком.
Бывает, ветер налетит,
Свинцом закроет небосвод,
К земле деревья наклонит,
Пространство молния прошьет
И жалом огненной стрелы,
Свирепо жертву поразит,
А канонадою беды,
Гром запоздало прогремит,
Картечью капли упадут,
Потом обрушится стена,

Смерть и разруху принесут
Кусочки маленького льда.
Я летом не люблю дожди!
У них особенная статья
Для созерцательной души —
Осенний дождик благодать!

* * *

Беспросветная мгла, тучи скрыли луну,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.